

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КВАРТИРЫ И ЛЮДИ

ГЛАВА 8. МАРЬИНА РОЩА.

Марьи́на Ро́ща – самое красивое имя района в Москве, красивее даже Серебряного Бора. Я слышал его с самого детства, поскольку в квартире на Марьиной Роще жила семья старшего маминого брата – Вани, а до этого там жила и сама моя мама, и ее мама, – моя Бабушка, Елена Андреевна, мамин папа – дедушка Павел Захарович, мамин старший брат Ваня и, младший - Витя. Я не могу писать слово Бабушка с маленькой буквы, потому что моя другая бабушка умерла еще до моего рождения и у меня всегда была только одна Бабушка. Обоих дедушек я никогда не видел. Мамин погиб на фронте, а папин тоже умер сравнительно молодым, еще до войны. Он был заядлым курильщиком, а вены у Сониных – слабое место. У него начался тромбофлебит, и ногу пришлось отнять. Папа сказал мне, что видимо он не захотел жить инвалидом, сам развязал бинты после операции и умер от кровотечения. Сейчас, когда мне перевалило за 60, я думаю, а что если не только отнятая нога заставила его развязать бинты. Может быть еще и то, что у него отняли мельницу, которую сам построил, и на которой сам работал, и вообще крах того мира, в котором он вырос, может быть обиды на детей, не только покинувших его и бабушку в Смоленске, но и вообще порвавших с еврейством. Бабушка Мария, которую я никогда не видел, перед войной перебралась в Москву, к детям и там умерла незадолго до войны. Она, как и большинство Сониных, похоронена на Востряковском кладбище. Сейчас наши родственники Сонины живут в Москве, Смоленске, Минске и Петербурге, да и в других городках тоже, а до войны, как говорил мне папа, в смоленской области была чуть ли не деревня состоящая из Сониных, Монастырщина (?). Часть из них погибла под немцами, имена некоторых, трех Сониных из Смоленской области можно найти в музее Холокоста в Вашингтоне. Теперь часть попала в Америку, а часть в Израиль, а многие из тех кого я знал, уже умерли. Вообще Сониных в России немало, есть евреи, есть русские, хотя думаю что если некоторых из них копнуть, то они окажутся нашими дальними родственниками. В небольших городках, не говоря уже о деревнях, куда попадали во время войны Сонины из Смоленской области, лучше было оказаться русским чем евреем. Об одном таком случае мне рассказала наша родственница - Эля Никульникова, мама которой была из Сониных, а папа был русским Никульниковым. Мой двоюродный брат Илья Сонин, Илья - геолог, тоже стал русским, когда в 1948 г. его не приняли на геологический факультет, и он поступил туда как русский на следующий год, но об этой истории позже. Впрочем, есть и дворянские роды Сониных, один происходящий, «по сказаниям старинных родословцев», от татарина Саги, к другому принадлежал академик математик Николай Яковлевич Сонин, умерший незадолго до революции, внучка его жива и я обменялся с нею парой любезных имайлов. Когда я поступил на мехмат, я купил небольшую книгу о нем, где его основным математическим достижением оказалось введение некоторых новых классов Бесселевых функций, и интегралов от них, Sonine's integrals по французской транскрипции. Подумаешь, пренебрежительно подумал я тогда. Сейчас я смотрю на своего однофамильца с большим уважением – ввел новый класс функций и они остались. Но главное, его имя навсегда оказалось оказалось связанным с одной нерешенной математической проблемой - гипотезой Римана, к которой Сонин привлек внимание. Останется ли в математике мое имя, оставим судить другим поколениям, но одна из теорем, которую я доказал – в вольном описании, теорема о разделении струй, описывающая как ведет себя произведение произвольной, т.е. без всяких условий, последовательности стохастических матриц, думаю, останется навсегда.

В Марьиной Роще я никогда не жил, но мы ездили туда несколько раз в году, всей семьей в гости на дни рождения, а время от времени Бабушка ходила навестить туда своего первенца, Ваню и заодно

брала меня с собой. Я любил и эти длинные поездки и пироги или пирожки, которые Бабушка пекла собираясь в гости и которые мы там кушали с чаем. Замечу для незнающих, что между пирожками и пирогами разница очень большая. Пирожки пеклись на скорую руку и с разнообразной начинкой, с вареной капустой, с яйцами и луком или с каким нибудь повидлом или вареньем, или, очень редко с таинственной начинкой, которая называлась требухой. (Потом требуха исчезла, а теперь и само слово надо смотреть в Дале). Пирог же Бабушка пекла долго, всегда по одному и тому же каноническому рецепту. Сначала замешивалось тесто, которое через несколько часов должно было «взойти», потом его нужно было раскатать деревянной скалкой и я с детства помогал бабушке с этим непростым делом. Ведь слои теста должен быть очень тонкими, тогда их можно будет посыпать перемолотыми орехами, потом корицей, чем то еще таким же вкусно пахнущим, а потом сложить в несколько слоев, скатать в толстый рулон которой помещался в алюминиевую кастрюлю с большой странной дырой в середине. Эта странная кастрюля называлась «чудом» и это чудо ставилось в «печь», т.е. за неимением печи в газовую духовку часа на полтора-два. В общем и рецепт и технология непростые, делается долго, зато вкус замечательный, никакой дешевой и фальшивой сладости от избытка сахара и крема, тонкий, благородный, сухой вкус, и пахнет так вкусно, что пирог хочется есть медленно, чтобы не съесть весь этот запах. Да и хранить его можно долго, он просто подсыхает и становится еще вкуснее. Бабушка передала рецепт Наташе и я надеюсь что она передаст его дальше, Сауле, Полиньке а может и Максусу, да и они тоже найдут кому его передать.

Не помню, был ли уже у нас тогда телефон, но в семье Вани его тогда не было, поэтому наш приход был еще и неожиданным источником радости и для Вани и для нас, когда мы заставали его дома. Квартира Ваниной семьи, а точнее две комнаты в четырехкомнатной квартире, где жила еще одна семья, располагалась на первом этаже дома железнодорожников, построенном в тридцатые годы. Этот дом, как и соседние, полностью сохранился. Он расположен недалеко от нынешнего театра К. Райкина, бывшего кинотеатра «Таджикистан», и Марьино Рощинской синагоги, и примерно в получасе ходьбы от Савеловского вокзала. Эти две комнаты получил, вступив в жилищно-товарищеский кооператив, мой дедушка Павел Захарович Зинюков, работавший тогда кондуктором на Московской железной дороге.

Но теперь пора рассказать и о том, как же мои дедушка и Бабушка, родившиеся в деревенской глуши – в деревне Полтевы Пеньки, Сасовского уезда, Рязанской губернии, попали в столицу, и именно в Марьину Рошу. Я уже сказал, что во всем виновата революция, в которой виновата Первая Мировая, но все же нужна еще некоторая цепь небольших дополнительных событий. Первым было то, что дедушка, благодаря своей кавалерийской ловкости, остался инструктором и на фронте не был. Что было с ним во время революции, ни мама ни бабушка толком сказать не могли, а может быть и не знали. Так что и я не знаю, куда и как мотался Тамбовский кавалерийский полк, но в 1920 году дедушка вместе со своей частью плывет на пароходе по Азовскому морю, направляясь в Крым, на штурм Врангелевского Перекопа. Надо спешить, поскольку даже до некоторых белых генералов стало доходить, хотя до многих так не дошло даже в эмиграции, почему они проигрывают Гражданскую войну. Врангель, инженер по образованию и умерший работая инженером в эмиграции, а в середине своей жизни награжденный за храбрость и в русско-японскую и в 1ую МВ, и один из самых светлых голов среди белых, в Крыму начинает проводить земельную реформу и приглашает в правительство и левых и правых. Я написал плывут на штурм, но кто его знает, куда направлялся пароход. Может быть, дедушка и не сказал всю правду дочери-комсомолке, и их полк плыл отнюдь не штурмовать, а наоборот, защищать Перекоп. Интересное совпадение, первый кинотеатр, который я посетил в своей жизни, рядом со «старым» Ботаническим садом на Первой Мещанской, ныне проспект Мира, назывался «Перекоп». Кстати, первый фильм, который я видел там с бабушкой, был «Кубанские казаки». Не знал я, что

Любимова, который там играл одну из главных ролей, я увижу много лет спустя в театре на Таганке. Стоя в проходе, у задней стенки, в темноте, он, светя фонариком, «руководил» актерами. Пароход подрывается на mine, и дедушка, контуженный, проводит целую ночь в ледяной воде, держась за большой деревянный обломок. Под утро его прибывает к кубанскому берегу, дети находят его, и еле живого привозят на телеге домой, к матери – соломенной вдове. Соломенной, потому что, как и бабушка, она уже два года не имеет вестей от мужа. Через несколько дней дедушка, шатаясь от слабости, выходит на двор и усмиряет разбушевавшегося там жеребца. Поездки в «ночное» и тамбовская кавалерийская школа не прошли даром. Дедушка начинает помогать вдове по хозяйству и становится своим человеком в доме. Еще через несколько дней его вызывают старики – станичники, чтобы выяснить, а за кого дедушка воевал. Непростой в то время вопрос, ответишь неудачно, и поставят к плетню. Как рассказывала бабушка, на этот вопрос дедушка ответил так. Я присягал его императорскому величеству Николаю II, а дальше у меня выбора не было, куда командовали, туда и приходилось идти. То ли этот дипломатичный ответ, то ли понимание того, что вдове с маленькими детьми трудно вести хозяйство без мужика, привели к тому, что дедушку отпустили с миром. Он остался в станице и прожил там еще целый год. Гражданская война кончилась, жизнь стала приходить в норму, и дедушка все чаще вспоминал о своей законной жене, шестилетнем сыне, дочери, которую он еще ни разу не видел, отце, матери, братьях и сестрах, о которых он ничего не знал последние три года. Вдова и дети рыдали, но дедушка твердо решил поехать в родную деревню. Он долго добирался до Рязани на поездах, последние тридцать верст прошел пешком, пришел к родной избе под вечер, постучал в окно и попросился переночевать. Странники были обычным делом в Полтево-Пеньках, через деревню множество людей проходило в Саровский монастырь на богомолье. По деревенскому обычаю его впустили в дом, дали кружку молока и краюху хлеба, и дедушка уселся в углу на лавке. Бабушки не было дома, родной брат и его жена не узнали его, так сильно изменился дедушка за эти пять лет. Он продолжал молча сидеть на лавке, но в это время его мать, лежавшая на печке, взглянула на него и закричала: «это же наш Пашка вернулся». Вскоре пришла и бабушка, которая верно ждала его все эти годы, хотя к ней, высокой и ладной, уже сватались вдовцы. Встреча с детьми тоже была счастливой, хотя Ваня его еще долго дичился.

Вскоре, однако, выяснилось, что ночь в ледяной воде не прошла бесследно, работать в поле, как раньше, у дедушки не хватало сил. Двоюродная дедушкина сестра, Фрося, жила на подмосковной станции и работала кухаркой у начальника железнодорожной станции, в те годы большого чина. Узнав от родных о дедушкиной хворобе, она написала ему, что попросила за него, и начальник обещал найти ему работу на железной дороге, не требующей большой физической силы. На семейном совете было решено, что дедушке надо ехать на заработки, оставив пока семью в деревне. Дедушка уехал, начал работать сначала сопровождающим ценные грузы, потом кондуктором, потом получил ответственную должность стрелочника, и стал Московским Железнодорожником. Когда дедушка получил казенную комнату, он выписал в Москву бабушку с моей тогда десятилетней мамой и двухлетним Витей. Четырнадцатилетний Ваня остался в деревне, он был рослым и сильным подростком и его руки были нужны в хозяйстве. Он приехал в Москву только через несколько лет, стал слесарем, а потом шофером.

В двадцатые годы железнодорожники оставались еще довольно «элитной» прослойкой населения, хотя их и здорово потрепали во время гражданской войны из-за их меньшевистского профсоюза – Викжеля, который как мы знали даже из краткого курса истории партии, был чуть ли не последней организованной силой пытавшейся противостоять большевикам. Большевики меньшевиками, а ездить по железной дороге, особенно в бронепоездах или мягких вагонах, а еще лучше в мягких вагонах бронепоездов, большевики любили, поэтому железнодорожникам и разрешили организовать один из

первых в Москве строительных кооперативов. Потом кооперативы на многие годы исчезли, зачем же советским людям «владеть» квартирами, и воспряли к жизни уже только в шестидесятые годы. Дедушка вступил в такой кооператив, и семья Зинюковых получила две комнаты в четырехкомнатной квартире в Марьиной Роще. В двух других комнатах жила еще одна семья. По тем временам это было очень здорово. Кухня с водопроводом, канализация, прихожая, кладовка.

Мама пошла в школу еще в деревне в 1924 г. Кстати помню, что бабушка говорила что эта школа была организована задолго до революции дочерьми помещика Полтева, того самого, по которому названы Полтевы Пеньки, и они сами в ней преподавали. Но мама пошла конечно уже в советскую школу. Ужасы Гражданской войны, такие как погромы на Украине, затопленные баржи с пленниками, расстрел 50 тысяч офицеров в Крыму, которые сложили оружие, поверив письменному обещанию Фрунзе сохранить им жизнь, и многочисленные расстрелы просто людей «в пальто» или «в пенсне», отошли в прошлое. Ужасы Большого террора 1937 г. еще впереди, в 1924 г. расстреляно всего 2500 человек, так что все думают, что впереди будет какое то подобие нормальной жизни. Помирает после очередного инсульта Ленин. Пытаясь в конце отодвинуть Сталина, он пишет письмо к съезду, письма Троцкому, но поздно. Ленина хоронят без Троцкого, Сталин послал ему телеграмму, с датой похорон на день позднее, чем они состоялись, ну а такой барин как Троцкий и не бежит сломя голову в Москву. Последнее слово над гробом произносит Сталин и всем ясно кто наследник, письмо съезду читают по делегациям, т.е. втихую. Кстати в детстве я много слышал от родственников и других пожилых людей, что Т-й был замечательным оратором, публицистом и организатором, да так считали и многие современники. И я так думал, пока не прочитал его «Мою автобиографию». Из нее быстро выяснилось, что по настоящему замечательным человеком был не сам Т, а его отец, начавший с низов и потом упорным трудом и талантом постепенно развернувший громадное агрохозяйство на 300 гектарах. В детстве, как пишет Т, у них в доме был земляной пол и только позднее отец, разбогатев, смог сначала нанять частных учителей, а потом отправить всех детей в город учиться в гимназии. Но этому труду, посадить, вырастить, собрать урожай и не на маленьком участке, а организовав нечто вроде эффективного совхоза, Т не научился. Он научился красиво говорить и писать, а почему собственно он вместе с другими такими же начал революционную пропаганду, и почему был так уверен, что Россия была нужна та коренная ломка, которая ей предстояла – вот именно это он в своей биографии и забыл объяснить. Дальше революционная работа, ссылка, потом побег из ссылки, впрочем он бежит вполне комфортабельно, т.е. сев в поезд и оставив в Сибири первую жену с двумя маленькими детьми, один совсем грудной. Эмиграция, где Ленин немедленно вводит его в редакцию Искры, чтобы получить перевес в один голос над старой гвардией – Плехановым, Засулич, Аксельродом. Потом в 1905 г., в 25 лет становится Председателем Петроградского совета – должность, которая тогда ничего не значила, но обеспечила ему место, а потом и председательство в следующую революцию 1917 г., когда она стала значить все. Основная организаторская находка Т. в Гражданскую войну состояла в том чтобы мобилизовать в Красной армию царских офицеров, и, еще более удачная находка, заставить их воевать под угрозой расстрела, но не их самих, а членов их семей, в то время как Белые наивно опирались на добровольцев. Остальные члены Политбюро впрочем были еще хуже. В общем, после смерти Ленина наверху пошла пока бескровная борьба, в начале которой Каменев и Зиновьев объединились со Сталиным, чтобы убрать Троцкого – второго человека в партии во время Гражданской Войны, потом Сталин с Бухариным отодвинули Каменева и Зиновьева, но самое главное, что начиная с того года, когда Сталин стал генеральным секретарём, а слово генеральный тогда писалось с маленькой буквы и означало совсем другое, чем лет через двадцать и пятьдесят, он замещал и назначал всю партийную номенклатуру, и вскоре она и начала голосовать, на пленумах, заседаниях, съездах, и просто партийных

собраниях решавших судьбу людей. Все Сталинские хитрости описывать долго, о них можно прочитать в воспоминаниях Бажанова – его секретаря, бежавшего на запад в 1928 г. и сидевшего там очень тихо пока Ст. не умер. В частности он пишет о том как Ст. организовал подслушивание всех кремлевских телефонов с помощью одного инженера, которого естественно потом расстреляли. Кратко этот период описывается мехматским анекдотом – доказательством того что линия партии прямая. В каждой точке у линии партии перегиб, вторая производная равна нулю, первая производная постоянна и значит сама линия прямая.

После переезда мама пошла учиться в московскую школу, завела подруг, вступила в комсомол. Этих подруг я хорошо помню, потому что хотя и нечасто, но они регулярно встречались многие годы и обычно на квартире у моей мамы. Это была весьма интернациональная компания – дочь служителя в синагоге Броня Эстерман, с крупным еврейским носом, которую я видел в последний раз уже в 80ые годы, когда она пришла вместе с дочкой попрощаться с мамой перед отъездом в Израиль, кореянка Ганя Цой, с удивительно точеными черными бровями, как будто нарисованными черной тушью, тонкой кисточкой на красивом белом лице, и самая близкая подруга – украинка Тася Степанец, с семьей которых мы встречались и дружили долгие годы. В Марьиной Роще мама и жила до самой войны, а вокруг нее шла удивительная политическая трансформация послереволюционной России.

В 1927 герой гражданской войны - Троцкий уже исключен из партии, но он еще проживет 10 лет в изгнании, убегая от смерти, пока в конце концов агент советской разведки Меркадор, поухаживав за секретаршей Т-го, не проникает в его дом и тюкает ледорубом по голове. За это от мексиканского правительства он получает 20 лет тюрьмы, а от советского - Героя Советского Союза. А вот академик Бехтерев умер всего через две недели после посещения Ст-на, когда рассказал коллегам свой диагноз - паранойя. Уже в двадцатые годы Чека многочисленнее чем царская охранка и жандармерия, да еще есть и пограничная охрана и милиция. Все под контролем. Монархист Шульгин, нелегально перешедший границу, проехавший по России и написавший об этом книгу, и не знал что все это время его «вела» Чека, чтобы выявить его наивные контакты. Но как ни странно, реальных врагов не хватает и в 1928 г. организуется Шахтинское дело. Чека еще «стесняется», техника только отрабатывается, поэтому процесс закрытый, расстреляно всего лишь 40 инженеров - «вредителей», но термин уже запущен и следующие 30 лет на вредительство будут валить все – начиная от падежа скота и до результатов переписи населения 1939 г, при которой в стране недосчитались миллионов 10-15, в результате чего не только те, кто ее проводил, но и сама перепись была объявлена вредительской и потом о ней сорок лет даже не упоминали. В 1930 г. проходит процесс Промпартии – никогда в реальности не существовавшей, но опыт проведения следствий уже набран, обвиняемые признаются в фантастических планах и действиях. Все это мама уже слушает по радио, слышит в школе. Положительным примером для детей должен служить Павлик Морозов, донесший на своего отца, который скрывал хлеб, чтобы кормить его и других своих детей и позднее расстрелянный в лагере. Кем был убит сам Павлик - дело темное, возможно чекистами, нужны ведь не только мощи в мавзолее, но и убиенные младенцы. Еще через несколько лет начинаются аресты и расстрелы тех, кто сами недавно арестовывали и расстреливали. Руководство ЧК, оно же НКВД, ГПУ, Наркомата внутренних дел, да и вообще многих наркоматов, замещается и отправляется в лагеря или на смерть. Расстреляны Ягода и Ежов и только Берия, хотя и попавший в конце жизни в опалу, переживет Ст-на, но только на 100 дней, инерция уничтожения продолжается. Основной источник сведений о этом кошмаре – Архипелаг Гулаг, рассказы Шаламова, книги Гинзбург, Гнедина и как ни странно мемуары Хрущева. Как он ни врет и умалчивает, но жуткая правда вылезает. Большой террор коснулся не только мертвых и живых. Дошло и до совести нации – ее литературы. Сталин, в отличие от Хруща, человек начитанный, не зря кончал семинарию и даже писал

стихи, но в какой то момент, возможно после того как застрелил свою вторую жену, Алилуеву, тронулся, а после войны и просто попятил. Он сам решал судьбы Пастернака и Булгакова, да и многих других писателей. Мое личное, самое яркое воспоминание о нем, это не его маленькая фигура на мавзолее, мимо которой я проходил держась за мамину руку в проверенной Госплановской колонне, а посещение его музея в Гори. Я был там дважды. Первый раз в 50 годы, когда мы с мамой и папой были в доме отдыха в Гудаутах и ездили в Гори на экскурсию. Я ничего не помню об этом посещении, кроме того что все в Музее было очень пышно и торжественно. Мое второе посещение было в конце 80х. Много раз я бывал на конференциях в Бакуриани и каждый раз автобус делал остановку в Гори. Наконец, когда все в Союзе закачалось, то еду из Бакуриани в 1990 году, я подумал, а не зайти ли мне в музей, когда то я еще в него попаду. Сделал остановку, зашел и внимательно рассмотрел многие документы и фото висящие на стенах. Поразила фотография выпускного класса церковной школы в Гори. Хорошо одетые, довольно взрослые выпускники, интеллигентные лица учителей. Похоже, история о том что у маленького Сталина был высокий покровитель, может быть настоящий его отец, Пржевальский или какой-то князь, не выдумка, школа не рядовая и не каждый мог в нее попасть. Висит на стене и зявление Ст. ректору церковной семинарии в Тифлисе, где он просит освободить его от очередного экзамена из-за «слабости груди». Именно в семинарии Ст., как и герой Стендаля, понял что карьеру в церкви без блата или подлинного рвеня не сделаешь, нарождаются новые силы, и есть другие пути наверх для человека из низов. Поговорил я в музее и со служителем, спросил о судьбе богатого Музея подарков Ст в Москве, в здании бывшего Англицкого клуба, в котором я не раз бывал в детстве. Музей закрыт, часть подарков видимо разворована, а большая часть просто сожжена. Это конечно универсальный прием, если хочешь что-то украсть, то хорошо бы часть сжечь. Как говорил Ст «нет человека, нет проблемы». А тут - сожгли и следов нет. А ведь были хорошие вещицы, китайские шары из слоновой кости, выточенные так что все они вложены один в другой, портрет Ст-на, вышитой женщиной без рук и многое другое, со всего мира, что так поражало в детстве мое воображение.

Но все эти крупные политические перемены проходят как высокие тучи на головами мамы и ее простой семьи. Но иногда и «дождь» выпадает. В 1924 году дедушка по «ленинскому призыву» вступает в партию. Ленинский призыв был объявлен после смерти Ленина, когда через семь лет после революции выяснилось, что рабочие и крестьяне и таинственный пролетариат составляют в партии меньшинство, а остальные – это в основном мелкие служащие, которые уже поняли, куда ветер дует, т.е. что скорым возвращением старого строя не пахнет. Где-то в 30-е годы дедушку как партийца «бросили» заведовать небольшим магазином и продавцы быстро объяснили ему как жить в голодное время – продавцы мясного отдела снабжают других продавцов мясом, продавцы галантереи снабжают других продавцов галантереей, заведующий получает понемногу со всех отделов, ну а покупателям что останется. Дедушка участвовать в этом товарообмене, а попросту воровать, не захотел и ушел обратно на железную дорогу. Перед войной во время очередной чистки его вычистили из партии «за пассивность», т.е. за то, что ни на кого не доносил, никого ни в чем не обвинял, с требованиями смертной казни видимо тоже не выступал. Хорошо, что не за уклон. Бабушка работала в детском саду, всех кормила и одевала. Младший сын Виктор родился в 1923 году и ходил в ту же школу, что и мама.

А где же мой папа и как же он встретит маму ? После того, как закончился НЭП, на мельницу наложили большие налоги, дедушка отдал свою мельницу государству, и продолжал работать на ней, как управляющий. В какой то момент паровые мельницы стали вытеснять маленькие водяные, заодно они конечно вытеснили и плотины, за которыми плескались пруды с гусями и рыбой, так совсем неудивительно, что в мое время россияне уже перешли на океанскую рыбу. Кроме того и домашних учителей уже не на что содержать, а детям нужно было получить настоящее образование, и Сонины

переехали в Смоленск. Судя опять таки по выпускной фотографии, в школе у папы были хорошие дореволюционные учителя, но по рассказам папы постепенно политпросвещение и комсомольская работа стали играть в школе все большую и большую роль, ученики стали тратить на нее все больше и больше времени, а учителя стали побаиваться и учеников и родителей. Папа стал активным комсомольцем, на религиозного отца и необразованную маму смотрел свысока, много занимался общественной работой, познакомился с местными журналистами и даже напечатал несколько заметок в местной газете. В общем прошел обычный путь тогдашнего еврейского юноши после Революции, школа в Смоленске, комсомол, поступление в институт. После окончания школы поехал в Москву, сначала поступал на физфак, но позорно провалился на экзамене по физике, не отличив рычаг первого рода от второго. В общественной жизни с рычагами было понятнее и папа подался в Плановый институт, в котором изучались рычаги другого типа. В то время это был очень престижный институт. В Америке началась великая депрессия, в Европе бушевала безработица, а мы спланируем и построим общество «на научных основах», так что профессия экономиста-плановика казалась тогда очень разумной. Советская Россия гордилась своим плановым хозяйством, апофеозом которого скоро станут нормы, спускаемые в райком, на арест троцкистов, вредителей и других разновидностей классовых врагов, а потом и на число расстрелов, причем чекисты тоже освоили понятие «встречного плана», это когда в ответ на увеличение нормы рабочий просит увеличить ее еще больше. Но это еще впереди, а общий настрой на разумную плановую жизнь привел и маму туда же, где уже учился папа. К этому времени курс державного корабля, Советской России довольно сильно изменился, но в отличие от пассажиров других кораблей, которые могли продолжать жить как хотели, в России жизнь менялась для всех. Эпоха революционного искусства, ломавшего старое, «обветшалое» общество отошла, поскольку все что можно было сломать, по крайней мере сверху, уже сломано. Такие как Есенин покончили с собой, Замятин и многие другие писатели эмигрировали. Такие революционеры как Мейерхольд в театре или Маяковский в поэзии, уже не нужны. Маяковский, который «всю свою звонкую силу поэта» отдавал и таки отдал атакующему классу, уже не получает визу в Париж, где его ждет невеста - Таня Яковлева. Возможно с подачи его постоянной любви, Лили Брик и друга квартиры - чекиста Агранова, среди прочих дел и куратора искусства, тоже вскоре расстрелянного, так как знал слишком много про расстрелянных ранее. Таня Яковлева проживет большую и интересную жизнь. Я уверен, что ее единственная дочь - это дочь Маяковского, просто до беременной Тани в какой-то момент доходит, что с дочкой от М-го жизнь ее в белой эмиграции кончена, и любящий ее дипломат оформляет с ней брак и увозит в Польшу, где оформить дату рождения ребенка на пару месяцев позже, за твердую валюту было раз плюнуть. Маяковский покончил с собой в 1930 г., и у меня нет сомнений что не только личные причины, но и глубокое разочарование в Революции создало тот общий психологический фон, когда человеку кажется что легче умереть чем жить. Впрочем М. покончил с собой очень своевременно и поэтому вскоре, по краткой резолюции Сталина «был и остается лучшим советским поэтом», а Лили Брик, вообще то имевшая совсем других законных мужей, будет получать треть его гонораров, что при тех тиражах было удивительно много. Отменил ей эту лафу Хрущев.

С 30 г. у Ст-на уже практически нет конкурентов и он просто начинает сводить счеты и убирать старую, да и молодую гвардию направо и налево. Доходит очередь и до искусства. В 1932 г. РАПП, т. е писатели для которых и Маяковский и Горький были слишком непролетарскими, как и все писательские организации, распущен и все писатели стали членами единого профсоюза, Союза писателей СССР.

Горький возвращается в Советский Союз, поскольку содержать виллу на Капри, не имея постоянного дохода, очень дорого, «проводит» в 1934 г. 1-й съезд советских писателей, выступает на нём как мэтр, но вскоре и его зажимают. За границу его уже не пускают и влияние его чисто

декоративное, он умирает в 1936 г., тоже очень своевременно, не узнав о расстреле многих своих хороших знакомых и протеже. Его многотомные произведения сейчас никому не нужны, но несколько прекрасных рассказов он в молодости написал. В том же 1936 г. начинается борьба с «формализмом» в искусстве, и Мейерхольд, который вступил в партию в 1918 г, уже имея за плечами директорство императорским театром и сорок четыре прожитых года, и театр которого в советское время назывался скромно ГосТИМ, т.е. имени М-да, подвергается разному. М начинает каяться, театр вскоре закрывают и единственный, кто дает ему работу, это его антипод, довольно дореволюционный Станиславский. Когда тот вскоре умирает, уже никто не может защитить М-льда, арест, избиения, смерть. Два его портрета говорят все. Один работы Кончаловского, до ареста, где он лежит на тахте, с выражением человека уже чувствующим что его ожидает, другой, изображает М в камере, стоящим голым у стены – Белова. В музыке достается Шостаковичу. В литературе доходит дело не только до «попутчиков», таких как Булгаков и Замятин, но и до «революционных» писателей. Первый том Тихого Дона Шолохова вышел давно, но со 2м томом трудности, Ш пытается выступить против раскулачивания, пишет больше 10 писем Сталину, в которых заступает за многих арестованных, говорит о «постыдной системе пыток, применяющихся к арестованным». Не откажешь Ш-ву и в личной смелости, имеет наглость спать с женой самого наркома Ежова в номере гостиницы Националь, где все прослушивается, и запись этой ночи попадает на стол Ежова на другое утро. По поводу авторства Тихого Дона, о котором так много спорят, мое мнение просто, Донские рассказы явно написаны той же рукой, и значит Ш автор, но какие то чужие материалы к Шолохову попали. После войны он видимо спился, постыдно выступал против Пастернака, Синявского и Даниэля, но до нее вел себя в целом достойно, и его «Тихий Дон» останется навсегда. Начинаются аресты писателей и поэтов, вскоре погибнут Павел Васильев («Наталья»), Борис Корнилов («Нас утро встречает прохладой...От Баку до Махачкалы...»), Клюев, Хармс, Кольцов, арестован Заболоцкий и многие, многие другие. Зато процветает Алексей Толстой – один из самых талантливых, но и беспринципных.

Впрочем, у каждого облака есть свой серебряный ободочек – это калька с американского, не хочется говорить «нет худа без добра» - одновременно происходит невиданный расцвет детской литературы – в нее, как в тихую казалось бы гавань, устремляется множество талантливых писателей – Чуковский, Маршак, Каверин, Житков, Гайдар, Пантелеев, Паустовский, Бианки, Пришвин, Чуковский, Хармс и вся компания оберидутов. Но и это многих не спасает – погибают почти все окружавшие Маршака, погибает соавтор Пантелеева по Республике ШКИД, которую они написали в 17 лет, – Черных. В 1937 начались знаменитые процессы, о них известно сейчас так много, что не буду о них писать. Даже изданная тогда же стенограмма процесса поражает своей неправдоподобностью, непонятно как кто-то мог верить в правдивость показаний, когда например один из обвиняемых полностью меняет свои показания и признается в шпионстве после короткого перерыва заседания суда. Дикость Ст. режима крепчает, арестовывают жен и детей «врагов народа», начиная с 15 лет. Не все молчали. Федор Раскольников, герой Гражданской войны и один из мужей Ларисы Рейснер, а потом «невозвращенец», в 1939 году опубликовал в эмигрантском журнале знаменитое «Открытое письмо Сталину», в котором обличал Ст. Убит во Франции агентами НКВД, как и сын Троцкого, и несколько активных деятелей белой эмиграции. Некоторых убивали по прямому приказу Сталина в советской тюрьме, так погибли и Радек, перед этим сам предавший всех кого мог, и честный Сокольников, бывший нарком финансов и единственный человек, требовавший на съезде партии в 1926 г. снятия Сталина с поста генсека. Погиб один из моих любимых писателей, Бабель, замечательный автор Конармии и Пильняк —автор романа «Голый год» (1922). Пастернак поддержал его семью после

ареста. Он же в 1937 году отказался подписать письмо с одобрением расстрела Тухачевского и других, все остальные подписывали.

Но от мамы это все довольно далеко, школа, подруги. Когда мама в 1934 окончила школу, она поступила в Московский плановый институт, кончила его с отличием и после распределения попала на работу в Госплан. Совсем не помню ее рассказов про студенческие годы, но помню фото волейбольной команды Планового института, где среди таких же невысоких девушек, стоит и мама. Госплан в это время расширялся, работы прибавилось, ведь с отменой НЭПа и началом коллективизации товары стали исчезать из свободной торговли и их надо было распределять по категориям и карточкам, т.е. по плану, а не по стихийному желанию населения купить то или другое. Кроме того, вакансии появились, поскольку первый слой работников стали сажать. Убийство Кирова в конце 1934 было прекрасным предлогом развернуть репрессии полным ходом и где угодно. Мало что я помню из рассказов мамы про то время, но помню, что она упоминала рассказ «Без черемухи». Много лет спустя я прочитал этот, знаменитый в свое время рассказ, замечательного писателя Пантелеймона Романова. В нем показаны посленэповские нравы глазами молодой симпатичной девушки, вокруг которой крутятся несколько молодых людей «нового» типа, все хотят с ней переспать, но без всякой «черемухи», т.е. без всякого ухаживания, красивых слов, не говоря уже о мыслях про семью и детей. А от папы я иногда слышал стихи написанные его товарищем Володей Бобровым.. «Та та та дорогой мой Миша, все в мире этом облетает цветами вишен.» Бобров покончил с собой еще до войны, но не подражая Есенину или Маяковскому, а потому что его за какой-то уклон исключили из партии, а для человека шедшего по общественной дороге, это стало означать будущий неминуемый арест. Уклон обычно состоял в том, что когда-то, когда в 20-х годах в партии шли дискуссии по платформам, человек однажды мог поддержать например позицию Тр-го, или работал под руководством Бухарина, или вступив в партию, скрыл что дядя был царским офицером и т.п. Папа о самоубийстве Б не говорил, я узнал о нем только после его смерти из писем Боброва сохранных папой.

Итак мама стала работать в Госплане. Госплан был, наверное, самым светлым пятном в истории советских учреждений. Он был организован решением Совнаркома в 1921 году, после окончания Гражданской войны, и во главе его встал, хотя и свой в доску революционер, но все-таки настоящий классный инженер – Кржижановский. Параллельно ему, как соответствующий научный орган был организован Конъюнктурный институт. Без преувеличения, в них стали работать самые светлые умы тогдашней России. Хотя большевики с их конкретной деятельностью были глубоко враждебны России, их общая политическая программа, на уровне лозунгов – Земля крестьянам, образование для неграмотных, преобразование сельского хозяйства и вообще устройство жизни на научных началах в чем-то отвечали глубоким традициям либерального экономического мышления русской интеллигенции с ее идеей служения народу. Эти люди искренне пытались нащупать, найти разумный путь для России и при советской власти. Я упомяну только нескольких из них. Чайнов – автор видимо оптимальной тогда программы кооперативного строительства в деревне, и автор талантливых рассказов. Кондратьев, известный на Западе как автор теории «больших волн». Слуцкий – ушедший позднее в чистую математику, Громов, Осинский. Двух из них, А. Вайнштейна и А. Конюса, я застал еще в ЦЭМИ, куда они попали после 20 лет лагерей и ссылок (по 20 лет разумеется на каждого). Выйдя из лагеря, Конюс узнал, что одна из его работа, написанная в соавторстве с дифгеометром Бюшгенсом, стала классической работе на Западе, но там все думали, что судя по прекращению публикаций, он, как и его соавтор, давно умер. Он кстати сохранял замечательную ясность ума и в 80 с лишним лет, а прожил до 95, и часто заходил к математикам поболтать. Как то мы спросили его, как ему это удается. Он сказал «мама завещала мне мне каждый день выпивать полстакана воды, капнув в нее пару капель йода, всю

жизнь я так и делаю». В 20-х годах в Госплане была разработана и идея межотраслевого баланса, абсолютно естественная для страны, в которой после гражданской войны и национализации разрушены все хозяйственные связи. За разработку этой идеи и ее воплощение на первых послевоенных компьютерах, уехавший вовремя, Василий Леонтьев получит в 1946 году Нобелевскую премию. Кстати другой такой лауреат, Кузнец тоже получил экономическое образование в Советской России. Большинство же их коллег и учителей в России, те же Чаянов, Кондратьев и многие другие, будут расстреляны, а немногие оставшиеся будут занимать разные почетные посты, помалкивая, следуя лозунгу другого видного экономиста 30-х годов, академика Варги, что лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие. Так Варга прокомментировал дискуссию о темпах роста. Те, кто сидели за низкие, были экономисты, агитировавшие за реальные темпы сбалансированного роста, вместо дутых. Темпы развития тяжелой индустрии в Советской России действительно были высокими, но мелкая кустарная промышленность и сельское хозяйство были при этом разрушены, да и работа была подневольной, почти как при Петре Первом. Как строилась Магнитка можно почитать в интересных мемуарах американского инженера, Д Скотта, приехавшего строить социализм в России, работавшего на постройке Магнитки и вовремя унесшего ноги по настоянию своей молодой русской жены.

В конце двадцатых годов сторонники кооперативов и противники колхозов (Чаянов и другие) уже превратились в никогда не существовавшую крестьянскую партию, но НКВД опять «постеснялось» и этот процесс тоже был закрытым. В 30-е годы Кржижановский, как либерал, уже был убран с поста председателя Госплана, хотя и стал директором института АН. Предгосплана стал Куйбышев, впрочем еще не самый худший из Сталинских выдвиженцев. Кондратьев, Громан, да он еще и бывший меньшевик, пошли по процессу Промпартии и были расстреляны. Как мы знаем теперь, такой партии просто никогда не существовало. Тем не менее, в Госплане еще оставались люди старой школы, грамотные и честные и мама многому от них научилась. Она называла мне их фамилии, но я их не помню. Там же в это время уже и работал мой папа, тоже окончивший Плановый институт, но несколькими годами раньше. Папа был грамотным, по крайней мере относительно многих, с живым умом и хорошо подвешенным языком, но не особенно глубоко задумывался над справедливостью и «преимуществами социализма». Язычок, правда, сильно подвел его, когда в кругу сослуживцев в коридоре Госплана, он заметил, что государственный прокурор Вышинский наверное потому так сурово клеймит троцкистских вредителей, что сам в недавнем прошлом был меньшевиком. Одна из сослуживиц написала донос, и папу вызвали в партком. Исключение из партии в Госплане означало немедленный арест, меньшее наказание – шансы на скорый арест. За папу заступился зампред Госплана, Вознесенский, уже знавший молодого специалиста, и папа отделался строгачом. Папа говорил, что его все равно бы, наверное, арестовали. Арестов в Госплане было тогда так много, что когда папа заметил уборщице, что на двери соседнего кабинета, после ареста не вставлена табличка с именем нового начальника, та ответила: «А чего менять? И этого скоро арестуют». Но с признаками туберкулеза, папа на несколько месяцев попал в больницу, а в тот период начальство в НКВД тоже менялось быстро и старые ордера могли занять «вредительские» подписи. Так что предвоенные чистки папа проскочил и к началу войны уже был заведующим сектором трудовых ресурсов. Следующий пост, начальника подотдела Госплана, был уже номенклатурный, т.е. утверждался на уровне ЦК.

Конечно жизнь в С Союзе состояла не только из политических процессов. Люди продолжали жить, работать, учиться, влюбляться, заводить детей, ходить в кино и театры. Да и было что смотреть. Для искусства ведь все наоборот, чем трагичнее жизнь, тем больше пищи для творческого ума. Не говоря об Эйзенштейне, с его гениальным, хотя и глубоко фальшивым Броненосцем Потемкин, появился его ученик Александров. В 1934 он ставит комедию Веселые Ребята с музыкой «красного Моцарта», Исаака

Дунаевского, которую вначале запретили за безидейность и «смехачество», был такой термин, да в ней еще и джаз с Утесовым, но Ст ее одобрил. Надо же народу и посмеяться, когда вокруг сажают. Прямо во время съемок например посадили и Н Эрдмана, одного из авторов сценария. Он уцелел потому что Берия курировал и ансамбль песни пляски НКВД, а таких талантливых авторов как Э не так уж и много. Позднее он получил и Сталинскую премию за сценарий фильма «Смелые люди». Один из первых что я видел в своей жизни. Сценарий и фильм и актеры очень талантливые, хотя и про шпионов и предателей. Ст был не один, Чаплин тоже высоко оценил Веселых Ребят. В 1936 тот же Александров снимает фильм «Цирк», в основу которого был положен сценарий Ильфа и Петрова, со своей женой Любовью Орловой в главной роли, и вот вам первая советская кинозвезда. Кто из зрителей знал, что она из старинного дворянского рода и что ее первый муж расстрелян по делу Трудовой партии. Талантливый фильм «Чапаев», хотя то, что он полон вранья про Гражданскую войну, было ясно и тогда когда я смотрел его подростком. Так и шли предвоенные годы. Никаких писем папы и мамы того времени не сохранилось, но осталось немало фотографий, в основном отпускное время на Юге, куда давали путевки Госплановцам. Хорошо бы их оцифровать и включить в этот рассказ. Но это наверно уже для будущих поколений. От папы с мамой осталось много, целый чемодан, пластинок, в детстве я много слушал их, а вот сейчас их прослушать непросто, не все даже знают что такое пластинка на 78 оборотов. Часть из них были музыкальной классикой, арии из опер, немного классической музыки, песни и много джазовых, помню Караван Д Эллингтона и много советского джаза, более легкого и спокойного чем настоящий hot джаз, Утесов, Фальцман. Все это пробивалось с запада, а после войны стало еще популярнее несмотря на прямые запреты и гонения.

Под запретом по существу был и секс, вообще приличного слова для этого дела на русском языке не было. Жены вообще назывались подругами, подразумевалось что построение социализма и борьба за выполнение плана, вот что на уме у советских людей. Но гони природу в дверь, она войдет в окно. Получилось все наоборот. На Западе секс занимает свое место, как важная человеческая потребность, но не окруженная тем ореолом, тайной и прелестью которую «любовь» занимала в Союзе. Опять фундаментальный принцип жизни – только ограниченный ресурс имеет ненулевую оценку, а очень ограниченный имеет очень высокую. А если, как многие писатели, живешь под угрозой расстрела, так ничего и не пожалешь чтобы переспать с хорошей женщиной. Да и тем, как не пожалеть таких как Зощенко или Булгаков.

Но конечно советские люди были заняты, точнее их занимали и многим другим. Например эпопея Челюскина (1934). Вся страна переживала за судьбу ста с лишним полярников и нескольких собак зазимовавших на льдине после гибели корабля зажатого льдами. Сто - это ведь не миллионы раскулаченных. Введено звание Героев Совсоюза, только вначале их давали героям полярникам, а перед концом советской власти выжившим из ума членам Политбюро. Или полеты в стратосферу. Ст видимо думал, что по его приказу большевики смогут летать и без кислорода на высоте в 22 километра. Трое стратонавтов погибли при спуске, как впоследствии и большинство делегатов 17 съезда - "съезда победителей", которому был посвящен этот полет. Их прах захоронен в Кремлевской стене, Ст-н и Молотов несли гроб, вся страна скорбила. Гражданская война в Испании. Слава Богу, мы хоть на правильной стороне воюем, но троцкистов заставим расстреливать и там. Именно оттуда Д. Оруэлл и получил свое первое знакомство с социализмом. Через 10 лет он напишет «Ферму Животных» и «1984», вещи настолько замечательные, что по настоящему их мог оценить только советский человек. Но о них я скажу позднее, потому что я, как и другие московские интеллигенты, прочитал их спустя еще 20 лет, когда самиздат пошел потоком.

О Советской разведке, безусловно, лучшей в мире в предвоенные годы, а может быть и навсегда, написано немало. Очень интересны воспоминания одного из самых высокопоставленных перебежчиков на Запад, генерала НКВД А. Орлова (Фельбинга). Он еще юношей участвовал в Гражданской войне, потом работал на Западе, и во время Гражданской войны в Испании был там руководителем советской разведки. Он лично знал, и не раз разговаривал со Сталиным, организовал вывоз из Испании золотого запаса Республики, на пару миллиардов нынешних долларов, общался с Хэмингуэем и многие детали его рассказов, например о подрывниках в тылу врага, вошли в знаменитый роман «По ком звонит колокол». В 1938 году, когда большинство из его друзей – разведчиков уже были арестованы, он бежал в Америку с женой и дочкой, используя свой дипломатический паспорт и часть казенных денег. Хорошо зная судьбу перебежчиков и врагов Сталина, таких как Раскольников, Троцкий, Кутепов и других, он просидел в Америке тихо, как мышь, до самой смерти Сталина, нигде не работая на постоянных работах, чтобы его невозможно было засечь. Пораженные американцы узнали о его существовании в США только после смерти Сталина, когда тот вышел из подполья и приставили к нему агента ФБР, который тоже написал интересную книгу на основе бесед с ним. Интересно, что всю правду об Орлове знал его американский адвокат, помогавший оформлять документы на жительство, но тому и в голову не пришло стукнуть в ФБР на своего клиента.

22 июня 1941 года папа оказался дежурным по Госплану. Телефоны «сверху» молчали. Уже вечером, через несколько часов после речи Молотова позвонил Косыгин, который был тогда самым молодым наркомом, и спросил какие меры приняты дежурным. Такой вопрос – безотказный прием начальства, когда оно само не знает что делать. Папа сказал, что на свой страх и риск он послал телеграммы госплановцам, находящимся в отпуске, и нарочных к руководящим работникам, отдохнувшим на дачах, чтобы они прибыли в Госплан рано утром. Косыгин сказал «правильно» и на этом исторический разговор был окончен. Нужно сказать, что и папа и мама хорошо отзывались о Косыгине, который долгие годы был Предсовмина и членом Политбюро, но никогда не был ведущей фигурой, никогда не лез наверх, отпихивая локтями, не говоря уже о том что не пинал никого ногами. Начало войны хорошо описано в небольшой книге Некрича «22 июня 1941 года», которая вскоре после ее появления в 70-х годах быстро подверглась суровой критике, хотя никто из ее критиков даже не пытался опровергнуть хотя бы одну цифру или факт в ней. Советский Союз оказался плохо подготовленным к войне. До войны 400 тыс офицеров и младшего комсостава было репрессировано. Усилия лучших в мире разведчиков – Зорге, Маневича и Гуревича, задолго предупреждавших о начале войны, пропали всуе. На донесении еще одного такого же осведомленного, Сталин написал резолюцию: «Стереть в пыль этого дезинформатора». Гуревича послали в лагерь, он к счастью остался жив и прожил до 96 лет. Донесению завербованного несколькими годами раньше немецкого офицера, работавшего в немецком Генштабе (!) и известившего не только о дате, но и о схеме развертывания наступления, не поверили. Его же кстати и провалили позднее, послав к нему в Германию для восстановления связи парашютистов (!). Их поймали, а пытать арестованных гестапо умело не хуже чем НКВД.

Ход войны хорошо известен. У Юрия Трифонова в воспоминаниях приведены отрывки из дневника московского школьника, перед началом войны описавшего ее ход на следующие полгода с замечательной точностью. Удивляться тут нечему, у интеллигентного московского школьника мозгов было больше, чем у всего Сталинского Политбюро вместе взятого. Сам же он погиб на фронте. Немцы стремительно наступали. Число пленных вскоре перевалило за два миллиона. Младшего брата мамы, Витю, призвали в армию после девятого класса, ему только исполнилось 18 лет. Из каждого московского предвоенного класса уцелело как известно 2-3 человека. Старший, Ваня, уже давно был в армии, пройдя финскую компанию, которая, кстати, и убедила Гитлера начать войну против Советского

Союза. Ваня, который прошел войну шофером при артиллерийской батарее, через много лет и объяснил мне причины столь стремительного отката: «Артиллеристы у нас были народ грамотный, сознательный, много студентов, много москвичей. Вечером легли спать, где-то далеко начала гроыхать канонада. До фронта километров тридцать. Утром просыпаемся, артиллеристы все на месте, а пехота, наше прикрытие, вся разбежалась. Пришлось и нам срочно сниматься и двигать назад. Не любили мужики колхозы, не хотели воевать за Советскую Власть». Ну а как же потом? Как же мы выиграли войну? спрашиваю я. «Ну, дальше народ увидел, что немцы не освободить пришли, пленных голодом морят, стали воевать за родину». Я и сам видел советскую пропагандистскую брошюру, изданную во время войны, где простодушно было написано, что немцы во многих местах не стали распускать колхозы «чтобы лучше грабить население». Кстати Ваня, с его четырех классовым образованием объяснил мне также то, чего я не мог сам понять и никто из Советских историков объяснить не мог, почему Гитлер в разгар войны с Англией и уже на подходе с Америкой начинает еще и войну с Сов Союзом. Объяснение Вани было таким. Гитлер понял, что воздушную войну с Англией, а значит и просто войну он уже проиграл. Остается увеличить ставку. Если завоевать Сов Союз, и заключить мир со Сталиным, тогда с российскими ресурсами и Америка не страшна. Впрочем, и объяснение, с фактами, уже послевоенного перебежчика Суворова, что Ст сам готовил нападение на Гитлера и тот просто был вынужден его опередить, вполне разумно. Но в отличие от Гитлеровской Германии, Россия оказалась гораздо хуже подготовленной к войне. В сентябре, всего на третий месяц войны, уже объявили, что «отечество в опасности» и начали набирать московское ополчение. Павел Захарович, которому было тогда почти 50 лет, записался тоже. Мама спросила: «Ну, папа, зачем ты идешь, ты уже воевал, ты был контужен, не надо». Дедушка ответил: «Катя, ну как же я могу оставаться здесь, когда мои мальчишки на фронте?» Ни одного письма от него уже не пришло. Почти все московское ополчение, плохо вооруженное, многие никогда не державшие винтовки в руках, погибло, сгорело в Брянских лесах, окруженное и разбомбленное с воздуха. В «похоронках» значилось «пропал без вести». Бабушка всегда повторяла это одним словом «безвести» с ударением на первом слоге. Так для меня и ушел дедушка из жизни, б*езвести. Кстати, ни за него, ни за сына Витю, бабушка не получала ни копейки пенсии, потому что, как было сказано в официальном ответе на ее заявлении, она «живет на иждивении дочери». В октябре 1941 г. немцы подошли совсем близко к Москве. Правительственные учреждения и посольства были уже эвакуированы. В Москве началась паника. 19 октября мама вышла во двор и увидела, что помойка завалена собраниями сочинений Ленина и Сталина, валялись профсоюзные и комсомольские билеты, – население готовилось к приходу немцев. Мама конечно не знала секретных сообщений опубликованных 70 лет спустя. Вроде «Заместитель начальника 1-го отдела НКВД (охрана руководителей партии и правительства) старший майор госбезопасности Шадрин доложил заместителю наркома внутренних дел Меркулову: «После эвакуации аппарата ЦК ВКП (б) охрана 1-го Отдела НКВД произвела осмотр всего здания ЦК. В результате осмотра помещений обнаружено: 1. Ни одного работника ЦК ВКП (б), который мог бы привести все помещение в порядок и сжечь имеющуюся секретную переписку, оставлено не было. 2...в таком же духе, 5. В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос. ..., разбросаны бланки и всевозможная переписка, в том числе и секретная, директивы ЦК ВКП (б) и другие документы...8. В кабинете товарища Жданова обнаружены пять совершенно секретных пакетов...» Из докладной в Наркомат внутренних дел: «На заводе № 8 около тысячи рабочих пытались проникнуть во двор. Отдельные лица при этом вели резкую контрреволюционную агитацию и требовали разминировать завод».

Как известно, поезд для Сталина тоже был приготовлен, но в последний момент, когда Жуков заверил его, что немцев остановят, он решил остаться. Сталин никогда не рисковал своей жизнью, врагов уничтожал подписывая бумаги, оружия в руках не держал, не считая выстрела в свою жену, будучи профессиональным революционером, рисковал только попасть в Сибирь, чтобы получать месячное содержание, как «политический». После начала войны, Сталин неделю не выступал и не показывался на людях. Но когда немцы подошли к Москве, чутьем старого пахана он понял, что за неподготовленность к войне в тылу или по дороге в тыл, его могут пристрелить красные командиры или

не расстрелянные маршалы. А в Москве, в Кремле ему грозили только немцы. Да и русский народ умеет драться, когда его разозлят. Да и расстреляны не все. И вот, уже, кстати совсем не Жуков, а недавний зек Рокоссовский, бросая в бой курсантов и штрафбаты, спасает Москву. Отличился под Москвой и другой генерал, Власов, тот самый который потом возглавил Власовскую армию и был расстрелян после войны и закрытого процесса. На открытом процессе он бы наверное сказал, что думает о Сталине и кто настоящий предатель.

В этом же октябре мама и бабушка, имея только конверт с военно-полевым адресом, ухитрились разыскать Ваню, который был в двадцати километрах от Москвы, почти на линии фронта, обнять и привезти ему гостинцев. Мама говорила что между Москвой и фронтом царила страшная неразбериха.

Часть Госплана, за исключением таких рядовых работников, как мама, уже эвакуировалась в Куйбышев. Папа, который уже начал ухаживать за мамой, уговаривал ее поехать с ним, но мама не хотела оставить Бабушку одну и отказалась. Ей таки пришлось поехать в эвакуацию через месяц, когда весь Госплан перебрался в Куйбышев. Кстати, папа в сентябре успел побывать в ополчении, но всего лишь три дня. Как настоящий комсомолец, он вместе со многими другими госплановцами тоже записался в ополчение, их забрали в казармы и стали обучать хождению в строю и обращению с винтовками, точнее с их деревянными макетами. Однако за три дня до Госплановского начальства таки дошло, что работники главного планирующего органа страны, координирующего теперь и все военное производство, и перестройку хозяйства на военный лад, и эвакуацию, нужнее в Госплане, а не на фронте рядовыми. Папу и многих других срочно вернули из казарм. Но некоторых уже успели забрать на фронт и многие из них уже не вернулись. Мама же в эти сентябрьские дни успела поработать в Подмосковье, где она с другими москвичками копала противотанковые рвы. Идея может быть и неплохая, но эти многокилометровые рвы, глубиной не менее полутора метров, женщины копали лопатами. Идея же бороться с танками, бросая в них бутылки с зажигательной смесью, за границей названной Молотовским коктейлем, оказалось более успешной. Жаль только, что сам Молотов никогда не попробовал ее применить. Может быть он бы и не оказался тогда таким долгожителем. Недавно я посмотрел «Утомленные солнцем - 2» Михалкова. На фильм спустили всех собак. Это не шедевр, он составлен из отдельных кусочков, но фильм талантливый и честный. Одна сцена гибели курсантов вместе со штрафниками, противостоящих немецким танкам в том самом октябре, многого стоит. Сталин, и вся его свора, так подготовившие страну к войне – преступники.

Когда немцев отогнали от Москвы, маме все же пришлось уехать с оставшейся частью Госплана в Куйбышев, где папа продолжал за ней ухаживать. Не знаю, была ли мама когда либо по настоящему влюблена в папу, они были очень разными людьми, но как бы то ни было, весной 1942 года в Куйбышеве, мама переехала в комнату к папе, и они вскоре вместе с друзьями отпраздновали свадьбу, хотя как следует из их свидетельства о браке, «расписались» они только за три дня до моего рождения в декабре. Папа говорил, что на свадьбе основным блюдом был мешок воблы, а через окно по доске вкатили бочку пива. Мама вскоре забеременела, но конечно продолжала работать. Потом она рассказала мне, что еще раньше за ней ухаживали двое других молодых людей, вскоре попавшие на фронт и уже не вернувшиеся. Их фотографии с трогательными «подарочными» надписями можно увидеть в нашем семейном альбоме. Я сказал, что не знаю была ли мама влюблена в папу. Мама принадлежала к поколению, которому было непривычно громко выражать свои чувства, говорить о своей любви к кому-то, поэтому судить надо косвенно. Мама знала, что папа был болен туберкулезом, была абсолютно независима, имела работу в Госплане, у нее был хороший характер, она была довольно красива и пользовалась успехом. Если она решила выйти за папу, значит любила.

Бабушка оставалась в Москве, ожидая вестей от сыновей и мужа. Вскоре пришло письмо из госпиталя, куда попал Витя, раненый на посту немецким снайпером. Это письмо сохранилось. Второе, официальное письмо сообщало, что Витя умер. От Вани и Павла Захаровича писем не было. Похоронка на дедушку пришла много позднее. В общем бабушке пришлось во время войны несладко. Как она говорила мне потом « Я все глаза выплакала».

Весной, когда немцы были уже далеко от Москвы, после удачного контрнаступления Красной Армии, Госплан и все министерства вернулись в Москву. Мама была «в положении». Летом 1942 года ситуация на фронте опять оказалась в пользу немцев. К осени 1942 года они вышли к Волге, дошли до кавказского хребта, и на Эльбрусе уже был поднят немецкий флаг. Этот прорыв осуществила одна немецкая дивизия «Эдельвейс», в которой было немало немецких альпинистов побывавших на Кавказе до войны. Им противостояло десять советских. Начальство проворонило захват немцами перевалов и их пришлось отбивать с тяжелыми потерями. Каждый, кто шел вверх на перевал по узкой горной тропе, может представить с какими. А ингушей и чеченцев объявили виноватыми. Я узнал об этом, много лет спустя в альплагере, побывав в небольшом краеведческом музее, где на стенде по месяцам описывался ход боев. Я не говорю что ингуши любили советскую власть, за что им был ее любить ? За организацию колхозов в горах ? Но и немцев они любили не больше.

Глава 9. Квартира на Второй Мещанской

С самого начала войны папа, еще до ее начала отвечавший за «трудовые ресурсы», стал разрабатывать программу их подготовки во время войны. Он рассказывал, что еще до войны читал, поскольку знал немецкий, закрытые немецкие материалы об их «трудовом фронте» и умелом сочетании капитализма и государственного планирования, и используя эти материалы, написал докладную записку Вознесенскому о «переводе экономики на военные рельсы», и тот немедленно ее одобрил. Он говорил также, что ему приходилось «воевать» с военными, чтобы добиваться «брони» для квалифицированной рабочей силы. Но папин план приняли, и наверное поэтому после возвращения из эвакуации ему дали двухкомнатную квартиру на 2-ой Мещанской д 39, с учетом беременной мамы, тоже госплановки. Этот длинный пятиэтажный дом по 40 квартир на каждом этаже, выходящих в общий коридор, и сейчас там стоит. Папа и мама работали в Госплане, приходя домой для короткого сна в комнату на Мещанской, мама часто ходила и в Марьину Рощу, побыть с бабушкой, уже получившей две похоронки, на мужа и младшего сына и не имевшей вестей от Вани. Ваня же был контужен, провел три дня фактически в окружении, но все-таки вышел к своим, и не просто к своим, но к счастью, в свою часть, тем самым избежав «филтрации».

Старший брат папы, Аркадий, попал на фронт, но работал в политотделе, кстати, вместе с Брежневым, о котором он отзывался неплохо, как о человеке незлом, и большом любителе выпить и погулять. Самый младший брат – Борис, который всю жизнь жил в Минске, стал военным переводчиком, еще один брат – Карл, остался в тылу, он всю жизнь болел редкой болезнью – Ойслера, при которой плохо сворачивается кровь. У Карла не было детей, он жил на одном этаже с нами, в комнате со своей верной женой тетей Фаней, которая работала в Госплане машинисткой. Дядя Карлуша, как его все звали, был очень добрым, немного наивным, красивым, с благородной внешностью и пользовался большим успехом у прекрасного пола. Семейная легенда гласила, что в какой-то момент Карлуша решил уйти от Фани к другой женщине и объявил ей об этом. Тетя Фаня открыла окно, а жили они, как и мы, мы на пятом этаже и сказала ему, что если он сейчас уйдет, то она выбросится в окно.

Дядя Карлуша знал как любит его Фаня, был человеком добрым и остался, и уже на всю жизнь. Из-за его болезни, когда во время очередного кровотечения, которое так трудно было остановить, натекал целый таз крови, постоянным рефреном среди родственников был разговор о том, что же будет с тетей Фаней, когда Карла не будет. Дядя Карлуша пережил и тетю Фаню и большинство тех, кто вел эти разговоры. После смерти Фани ему жилось очень неплохо, поскольку в этом возрасте на одного пенсионера приходилось уже десять вдовушек и среди них была чуть ли не драка за внимание красивого, мягкого и интеллигентного дяди К. Я иногда навещал его или на его квартире или в больнице и мы говорили о многом, довольно интересно. В частности он сказал насчет секса в его возрасте «Ты не думай, пенсионерки это дело очень любят». Уже незадолго до его смерти я спросил то, что никогда не спросил бы у своего папы, а до каких же лет Карл продолжал крутить такую любовь с пенсионерками. К. ответил без запинки - «до 77». Ну что же, некий ориентир для молодежи.

Самый яркий из братьев был Исаак, высокий, красивый, добрый, общий любимец и заводила, у нас сохранилось много фотографий лодочного похода И, с друзьями по Волге. Перед войной он работал на строительстве Костромского льнокомбината, самого большого в Европе. Исаак был активным комсомольцем, его любили и перед войной он стал освобожденным секретарем комсомола. Это был очень большой пост в тогдашней иерархии, и конечно, он был освобожден от военной службы. Но он был не карьеристом, а идеалистом и пошел на фронт добровольцем, оставив в Костроме беременную жену. Их ребенок умер во время войны, а его вдова, Наташа, потом вышла замуж, родила дочку, но свято хранила память об Исааке и даже сохранила его фамилию. Мы знаем об этом потому, что через много лет папа поддерживал хорошие отношения и помогал этой выросшей дочери, ставшей экономистом. Исаака послали на краткосрочные курсы артиллеристов, он стал офицером. Перед отправкой на фронт, осенью 1942 года, он заехал в Москву на пол дня, попрощаться с родными. Папы не было дома, но мама и бабушка были. Узнав, что мама беременна, как и его жена, Исаак очень обрадовался и стал расспрашивать о делах. Бабушка пожаловалась, что хотя благодаря папиным и маминим «категориям» продовольственных карточек накопилось довольно много, но отоварить их она никак не может, потому что в магазинах стоят громадные очереди. Исаак тут же собрал все карточки, добавил свои и ушел. Через час он вернулся и высыпал на кровать мешок мыла, крупы, табака и водки, последняя вместе с золотом служила универсальной валютой. Он сказал, что просто пришел в магазин, подошел к очереди, распахнул шинель, показал новенькую офицерскую форму с ремнями и пушечками и сказал, что через три часа уезжает на фронт и хочет оставить продукты своим родным. Очередь, состоявшая из женщин, у которых наверно такие же молодые братья, мужья, дети уже были на фронте, расступилась, и Исаак все получил. Папу он тоже успел повидать и сказал ему, не вдаваясь в подробности, но под большим секретом, что командует совершенно новой артиллерийской установкой, смонтированной прямо на грузовике, что сам грузовик заминирован, и он лично должен взорвать всю установку в случае, если их окружают немцы. Как известно, «Катюши» вместе с танком Т-34, и илюшинскими штурмовиками были самыми удачными новинками Второй Мировой Войны. Они были применены впервые осенью 1941 года, произвели ошеломляющее впечатление на немцев, и те начали на них настоящую охоту. Судя по тому, что похожее реактивное оружие появилось у них только в конце войны, они долго не могли захватить его образцы в свои руки. Так наверное и погиб Исаак, и наверно так же погибли и десятки таких же храбрых и честных командиров «Катюш». Как и про дедушку, мы не знаем никаких подробностей его смерти, и где он похоронен.

Мама навсегда сохранила особое чувство к Исааку, который отдал свою жизнь за Родину, как и ее отец и брат. Когда папа умер, на его могиле на Востряковском кладбище установили черный мраморный обелиск. На нем рядом с фотографией папы, а теперь и мамы, можно увидеть и фотографию

молодого Исаака в офицерской гимнастерке, лихо заломленной назад фуражке и подписью: «Геройски погиб на фронте. Исаак Яковлевич Сонин. 1908–1942 гг.». Кстати, об этом обелиске. Я еще могу понять, почему в 80-е годы были очереди за продуктами, но почему, чтобы купить камень на папину могилу, мы с мамой в перемену должны были ездить каждую неделю, в течение всей зимы отмечаться в очереди, на Востряковском кладбище, этого понять невозможно. Строй, где люди должны стоять в очереди даже за камнями на могилу, обречен. Похожую фразу сказал и французский коммунист – предприниматель после долгих и безуспешных попыток купить за валюту фильм «Андрей Рублев», причем для проката исключительно за границами России.

Известие о гибели Исаака пришло за пару недель до моего рождения. Папа боялся назвать своего первенца еврейским, да еще и библейским именем, но мама было непреклонна, и меня назвали в честь дяди. Это имя, исключительно редкое для моих сверстников, второго Исаака своего возраста я встретил только на мех-мате, я проносил всю жизнь. Были годы, когда я немного стеснялся его, но как ни удивительно это может прозвучать, ни в Москве, ни в других углах России, где я побывал за студенческие годы, я ни от кого не встретил на него антисемитской реакции. (Отделы кадров и тех, кто в них работали, я за людей не считаю).

А родился я в ночь со 2 на 3 декабря 1942 года. В Американской энциклопедии этот день назван днем рождения Новой Эры – Ферми с коллегами запустил первый в мире ядерный реактор. У нас же папа запустил печку-буржуйку, железную, с длинной трубой, которая выходила в форточку, и начал отапливать комнату, куда меня принесли из роддома, своей библиотекой. Почему печка называлась буржуйкой, я не знаю, но видел я таких печек немало, а из-за одной, в пятом классе даже пострадал, когда увидев довольно целую печку в грудке собранного металлолома, я притащил ее домой, здраво рассудив что она пригодится в саду. Но один из моих одноклассников, дело было в четвертом классе, донес на меня и моей любимой учительнице Екатерине Терентьевне пришлось таки серьезно разбирать ее любимого ученика.

Теперь и бабушка перебралась в двухкомнатную квартиру, которую папа получил в громадном пятиэтажном «госплановском» доме. Он был задуман, как дом – коммуна, т.е. хотя семьи должны были жить в двухкомнатных, абсолютно одинаковых квартирах, по обеим сторонам громадных коридоров, примерно сорок квартир на каждом этаже, но готовить они должны были вместе на коммунальных кухнях, да и сидеть на общих стульчаках. Поэтому на каждом этаже была громадная кухня с газовыми горелками, на которой если огонь уже горел, то новую горелку зажигали длинной деревянной лучиной, чтобы сэкономить спички, и два общих туалета, с тремя умывальниками и тремя кабинами. В самих квартирах не было ни воды, ни газа, но было горячее батарейное отопление, которое не работало в ту зиму когда я родился. Когда дом стали заселять, то и по квартире на каждую семью стало казаться роскошью, и во многие квартиры поселили две семьи, каждой по комнате. Папа, как уже занявший небольшую ступеньку на Госплановской лестнице, получил вместе с мамой целую квартирку. Одна комната была побольше, метров 18, вторая узкая, метров 12. В ней стояла родительская высокая железная кровать с шарами, занимавшая больше половины ее ширины, крашенные светлой масляной краской деревянные полки для книг от пола до потолка, сделанные плотником, и письменный стол у окна. Когда появились телевизоры КВН с маленьким экранчиком, мы купили телевизор одними из первых. Потом к нему можно было подкупить круглую выпуклую линзу наполненную каким-то специальным маслом, надо же было такое придумать, и все это тоже обосновалось в этой же комнате. В прихожей стоял маленький кухонный стол, вешалка для одежды, потом появились холодильник ЗИС и умывальник с шикарным гранитным передом. Чистую воду надо было приносить и заливать сверху, а наполненное грязной водой ведро внизу относить в общий туалет. Наверное поэтому, до сих пор я

умываюсь сравнительно небольшим количеством воды. В большой комнате жили мы с бабушкой и она служила гостиней при приходе гостей, поэтому там было все остальное. Стояла большая эмалированная бабушкина кровать, рядом с которой на стене сначала висели лебеди, а потом популярный коврик с тройкой лошадей и испуганными ездоками, за которыми мчалась вольчья стая, моя, тоже железная кроватка, сначала она была с сеткой, чтобы я не упал, помню ее и с сеткой, а потом уже без сетки, высокий буфет с резными дверками и красивыми стеклами, обеденный стол, раскладной по приходу гостей, массивный шкаф для одежды, моя школьная парта, купленная по объявлению и явно дореволюционного происхождения, и диван. Но все это появилось потом, а во время войны мебели почти не было, но самое главное, в декабре 1942 года в нашем доме не работало отопление, как и в большинстве домов Москвы. Папа день и ночь работал в Госплане. Трамваи и троллейбусы не ходили, машин не было, и уже поздно вечером мама, и ее подруга и сослуживица по Госплану Валя Курнаева, пошли по заснеженным улицам в роддом. Валя тоже была беременна моим будущим школьным другом Валерой Курнаевым. По срокам Валера должен был родиться раньше меня, и мама обещала проводить Валю в роддом, но мы с Валерой переиграли эти планы. Как рассказывала мама, в роддоме было мало рожениц, в основном девушки, забеременевшие на фронте, но топили печи, и было тепло. Мама провела в роддоме три дня. Когда меня принесли домой и распеленали, увидев мое худенькое тельце, бабушка заплакала, и сказала, что я не жилец. Тепло в квартире поддерживалось железной печкой, труба выходила в форточку, топили в основном папиными книгами, так как заборы уже были растащены, и дрова было очень трудно найти и доставить. Книги прогорают очень быстро, и утром стакан воды, оставленный на столе, замерз и раскололся. После этого мне в деревянную колыбельку стали класть бутылку с горячей водой. Один раз пробка выскочила, и мой нежный живот немного ошпарило. На многочисленных школьных и других медосмотрах я с большим удовольствием объяснял врачам происхождение большого белого пятна – шрама рядом с моим пупком. И сейчас на нем не растут волосы.

Маме пришлось вскоре выйти на работу. И дважды в день, а иногда и ночью, она шла пешком от Госплана – это дом на Охотном ряду, потом он же Проспект Маркса и снова Охотный ряд, где сейчас заседает Дума, через Трубную и Сретенку до нашей 2-й Мещанской, чтобы покормить меня грудью и потом снова вернуться на работу. По бабушкиным словам меня иногда подкармливали и неработающие женщины – кормилки из нашего дома. Немцы в это время много раз и довольно успешно бомбили Москву. Хотя в нашем доме и были оставлены большие пролеты для лифтов, но за первые пятьдесят лет его существования лифты так и не установили. Вначале, во время воздушной тревоги мама и бабушка таскали меня в бомбоубежище, но вскоре отказались от этого, и оставались со мной на пятом этаже. Иногда мне кажется, что в далеком детстве я слышал глухие взрывы, но наверное это моя фантазия. Но вот что я точно помню, это аэростаты воздушного заграждения. Может быть их еще держали и после войны? Много лет спустя мама рассказала мне, что в конце войны она родила еще одного ребенка, но он умер еще в роддоме. Дом № 39 на 2-ой Мещанской, теперь она Советская, сохранился, сейчас в нем располагается какое-то министерство, лифты наконец установили. А всего Мещанских было четыре, даже есть рассказ у Евтушенко про 4-ую Мещанскую, 1-ая стала Проспектом Мира, 2-ая Советской, 3-я Гиляровского, не знаю держится ли еще 4-ая.

Тем временем, в войне произошел перелом – Сталинградская битва. Немцы вышли к Волге и ввязались в уличные бои в Сталинграде. В таких боях судьбу решает не стратегическая мудрость, она же глупость, командования, а злость тех, кто дерется на передовой. Те, кто защищают свой дом, всегда злее, чем те, кто в него лезут. Сдача в плен армии фельдмаршала Паулюса, которого незадолго до этого

Гитлер и сделал фельдмаршалом, чтобы тот не сдавался живым, была переломным пунктом в войне. В какой-то момент в квартирных батареях снова появилась горячая вода.

Глава 10. От штурма рейхстага до врачей-вредителей

Наконец война кончилась. На улицах можно было иногда видеть, и я их видел, серые колонны немецких пленных с худыми и бледными лицами в серо-зеленых шинелях. Ваня вернулся с фронта, а надежды на возвращение дедушки, пропавшего без вести, больше не было. Мама рассказывала, что когда Ваня вернулся, он очень изменился, стал молчаливым и угрюмым, ничего не хотел рассказывать о фронте и войне, часто лежал на диване лицом к стене. Бабушка приводила меня с собой в квартиру на Марьиной Роще. Я был по-прежнему худым и малорослым, но очень живым и разговорчивым ребенком, и хотел разговаривать с Ваней. Ваня стал играть со мной и постепенно «оттаял», снова стал работать шофером, женился, и у него появился сын – мой двоюродный брат Павлик, на две головы выше меня. Может быть, и я вырос бы таким же длинным, если бы продуктов в войну была больше, или дорога от Госплана до Мещанки короче. Павлик, следуя моему примеру, написал воспоминания о своей маме. Хотя и видел Надю много раз, но только из них знал, что ее первый муж погиб на фронте, как и восемь (*) из девяти братьев. Вот так Сталин подготовил страну к войне и провел ее.

Из ранних воспоминаний я помню безногих инвалидов на низких деревянных тележках с шарикоподшипниковыми колесиками. Помню и продовольственные карточки. Они были очень маленькими, как почтовые марки и разноцветные, разных цветов для разных продуктов. Бабушка часто носила меня на руках, даже пяти-шестилетнего, и когда мы приходили в магазин, моя обязанность состояла в том, чтобы с бабушкиных рук, тоненькими пальчиками оторвать нужную карточку и протянуть продавщице. Бабушка казалась мне очень сильной и красивой, но все же бабушкой. Только сейчас я понимаю, что она была в то время всего лишь пятидесятилетней молодой вдовой. О Бабушке я написал в рассказе «Прогулка далеко». Работать она уже не пошла, готовила еду на всю семью, стояла в очередях, стирала, шила и штопала, ведь купить что то новое было непросто, ухаживала за мной, ведь в детстве я часто болел. Заполняя медицинскую анкету для пионерлагеря, родители, а потом и я, ставили галочки в каждой графе перечня болезней: коклюш, скарлатина, оспа, дифтерит, свинка, корь, воспаление легких. Но самым памятным для меня было «воспаление среднего уха», которым я болел три или четыре раза. Сначала начинало болеть горло, потом поднималась температура и начинался настоящий жар с ломотой в костях и наконец в ухе начинало сильно и больно «стрелять», т.е. боль накатывала импульсами. Бабушка укладывала меня в постель, а вечером мама приходила с работы и начинала традиционное лечение. Садилась рядом и начинала приготавливать спиртовой компресс из нескольких слоев марли, ваты смоченной спиртом, вощенная бумага накладывалась на ухо, сверху мама заворачивала ухо бинтом, поила меня чаем с медом и сушеной малиной и начинала читать пока я не проваливался в сон. Иногда ночью снова начиналась стрельба в ухе, я не плакал, но звал маму, она просыпалась, снова подходила, меняла ночную рубашку, мокрую от пота, и опять что-то колдовала с ухом. Иногда приходили врачи, появилось лекарства в ампулах, слова стрептомицин и пеницилин, т.е. появились антибиотики, но вообще мама старалась лечить по старинке. Может быть поэтому у меня и сейчас хороший слух. Впрочем мама была разумным консерватором, зимой мне давали рыбий жир и потом даже витамины маленькими горошинками, ведь зимой, кроме квашеной капусты и чеснока, никаких живых витаминов не было. Только на Новый Год родители приносили из Госплана несколько мандаринов и икру, а иногда мама или папа приносили пирожные, по одной штуке каждого сорта и мы

резали их на несколько кусочков, чтобы каждый мог попробовать все сорта. Моим любимым был многослойный наполеон. Впрочем, по сравнению с многими семьями мы наверное питались очень хорошо. Чтобы я не отказывался от рыбьего жира, мама давала его вместе с корочкой бородинского хлеба, сверху густо посоленного. Было ощущение лакомства. Вообще мое фундаментальное убеждение состоит в том, что подлинное наслаждение можно получить только от того, чего не хватает. А если чего то хорошего вдоволь, то не надо жадничать, и никогда не надо откусывать от жизни кусок больше чем можешь прожевать. Гланды, после долгих колебаний и обсуждений, мне вырезать не стали. И как выяснилось лет через 40, тоже оказалось правильно. Эта операция, когда то очень модная, в Америке ее делали «профилактически» чуть ли не всем, теперь делается только в крайних случаях, поскольку железы, как и отросток аппендикса, оказались в организме отнюдь не лишними. Где-то в 12-13 лет мои болезни кончились и наступил большой перерыв, ну скажем лет на 50, если не считать гриппов и грыжи, которую я заработал в основном в саду, и за которую в сущности можно сказать спасибо, потому что лежа после операции в палате (на четверых) я и написал свои «пиджаки», а благодаря им и другие рассказы, а поэтому и сейчас пишу.

А когда я не болел, то по вечерам мама часто садилась рядом с моей кроваткой учить немецкий язык. Она не хотела оставить от папы и решила сдавать кандидатский минимум по немецкому языку. Со мной она повторяла немецкие слова выписанные в тетрадку: дер рабе, ди маппэ, и я с удовольствием повторял эти слова вместе с артиклями.

Помню, что однажды папа принес домой не простой марлевый бинт, а какой-то странный, «эластичный», который после этого много лет жил в нашей семье, поскольку его можно было использовать снова и снова. Как ни странно, я хорошо запомнил надпись на этом бинте, синими буквами с необычным шрифтом на маленьком листочке под прозрачной целлофановой оберткой. Это была параллельная надпись на русском и английском. Что бинт сделан из чего-то выращенного в Мексике, что его нужно стирать в теплой воде, что-то еще, а потом подпись, Американский Комитет Помощи России в Войне. Но это еще не конец бинтовой истории. Лет через 20 после этого, эти самые бинты появились, правда не надолго, в московских аптеках. Интересно, сколько же их было в то время когда их прислали и где они столько лет лежали. Я купил такой бинт. Он был абсолютно таким же как и старый, только надпись стала на полтора сантиметра короче, причем было видно что она обрезана и бинт заново упакован. Строчка об Американском Комитете начисто исчезла. Кстати у нас в семье было и несколько номеров журнала Америка, еще черно-белого, издававшегося для России короткое время после войны, наверное в 1946 г. Через много лет я увидел этот журнал уже цветной и возобновленный во времена Хр-ва. Папа получил на него подписку поскольку читал лекции в провинции по линии общества «Знание». Он рассказал мне что большая часть тиража после поступления в Сов Союз сразу уничтожалась. Ни разу не помню чтобы родители сказали что-нибудь плохое об Америке или Западе. Наверное, они как Госплановцы, хорошо знали какую колоссальную помощь получила Россия во время войны от Америки. Не говоря о тысячах американских и английских моряках, которые погибли в ледяной воде после потопления их судов немецкими подлодками на пути в Мурманск. Об этом знали и фронтовики. Я не помню кто, но один из них сказал мне «Я всю войну ел американскую тушенку и американский хлеб, хлеб был как вата, страшно невкусный, но лучше чем ничего. Все авиационное масло у нас было американским «.

Некоторое время я ходил в детский сад на Спартаковке. Наверное мне было всего 4 или 5 лет, потому что я хорошо помню, что вначале я не умел завязывать шнурки на ботинках а потом научился. Когда мы приходили с гулянья, то старшие девочки, у них кажется даже была очередь на это, помогали мне расстегивать зацепку на чем-то вроде лифчика, который тогда носили и мальчики, он поддерживал

длинные чулки – чулков с резинками тогда еще не было. Помню и замок из папье маше и большие кубики, но ходил туда я видимо недолго - слишком часто болел. Еще одно раннее воспоминание – это детский сад летом на выезде. Я играл с мальчиком, имя и фамилию которого я хорошо помню – Миша Потанин, мы играли в «подушку». Один из нас ложился на траву, а другой клал голову ему на грудь, как бы собираясь заснуть. И вдруг... подушка убежала. Помню и как один раз я залез на елку, испачкал смолой висок и еще много лет на этом месте была маленькая проплешина. Помню, что один раз очень сильно захотелось «по-большому» и я побежал в дом но ... не добежал. Помню что мама в родительский день сказала мне скоро улетит в командировку в Баку и, завидев в небе редкий тогда самолет, я каждый раз гордо объявлял, что это летит моя мама.

У нашего дома, как и у большинства московских домов, был свой двор, где дети до школы проводили большую часть своей жизни, за исключением перерывов на обед, когда соответствующая бабушка кричала в форточку: «Жора, Ваня, Исачок, ... пора обедать». Игры были традиционные, послевоенные: футбол, расшибалка, ножички, маленький карманный нож был тогда почти у каждого, пушок, штандор и салочки. Девочки играли в классики и крутили веревочку, но для мальчиков в такой игре не хватало азарта. Позднее у меня даже была теория о различии между двумя полами, основанная на том, что девочки в детстве не играют в командные игры, команда на команду, а только каждая за себя. Теперь моя теория проходит экспериментальную проверку в Штатах, где сейчас можно увидеть громадное поле усеянное 4-5 летними девочками в футбольной форме. Обеды тоже были традиционными, мясной борщ, или рыбный суп, часто он варился из одной головы, котлеты, каши, картошка, творог, макароны. Фрукты и овощи только по сезону, зимой квашеная капуста, обычно самодельная, но иногда папа приносил «провансаль», варенье и маринады заботливо приготовленные той же бабушкой летом из наших садовых клубники, малины, крыжовника, вишни, черной и красной смородины, помидоры, огурцы, лук, чеснок, Холодильники появились намного позднее. Зимой продукты, чтобы не испортились, вывешивались в авоське в форточку за окно, а летом ? Наверное съедали за день - два.

Война была еще очень свежим впечатлением, о ней часто говорили взрослые. Один из первых фильмов, что я посмотрел в кино, было «Падение Берлина» с Борисом Андреевым, русским близнецом американского Джона Вейна и «Кубанские казаки». Из обоих я даже помню некоторые кадры. Не один раз я смотрел и Смелые люди и Подвиг Разведчика. Много говорили и писали о Сталинградской битве, а вот о восстании в Варшавском гетто я узнал через много много лет. Дома у нас хранилась толстая книга документальных очерков «Взятие Берлина». Я много раз перечитывал ее, но в студенческие годы по этим историям уже было видно до какой степени не жалело наше командование солдатские жизни. Не говоря о том, что вся идея «штурма» состояла в том чтобы опередить союзников. А их и опережать не надо было, Эйзенхауэр был страшно обрадован что американцам не нужно будет нести очередные потери. На кинохронике взятия Берлина видны наши солдаты, большинство не в касках, а в шапках ушанках.

Я хорошо помню дату 1947 года, потому что по радио, это была черная тарелка висящая на стене почти в каждой квартире, много говорили о 800-летию Москвы. Через пару лет я уже сам читал прекрасную поэму Натальи Кончаловской о Москве, первых русских царях, битвах с татарами, осаде Казани, монастырях. Через много лет я увидел другое издание, точнее НК переписала ее, но уже другим, абсолютно скучным размером. Помню мамину медаль - ромб, с надписью 800 лет Москвы, ее награду по этому случаю в Госплане. Того, что в это самое время американцы предлагали нам План Маршалла, я как и все советские люди, конечно не знал, поскольку у Сталина были совсем другие планы. План М впрочем часто упоминался в Крокодиле как план ограбления Европы, против которого все

«прогрессивные силы» в Европе протестуют. Еще через пару лет в Америке создан первый в мире транзистор и уже давно идет коммерческое телевидение, но у нас они появятся только в начале пятидесятых, причем еще в очень раннем детстве один инженер на нашем этаже построил телевизор сам и один раз пригласил нас и соседей посмотреть, но были видны только очень смутные тени. Появились и первые компьютеры, и о них мы улышались гораздо скорее, потому что папа моего друга Гутена и был одним из их создателей. Мало кто знает, что первым изобретателем ЭВМ перед самой войной был американский инженер Атанасов, сын болгарского эмигранта, а дальше была некая почти детективная история кражи его идей. Только через много лет справедливость в результате семилетнего процесса двух компьютерных фирм была восстановлена, Атанасов был признан официально первым создателем компьютера, а другим результатом процесса было то, что никто в мире не владеет патентом на компьютер.

А планы Сталина были такими, в 1948 году он снова решил «завернуть гайки». И не одну, а сразу несколько. Во-первых, прибрали к рукам Восточную Европу, и тем самым окончательно разорвали с бывшими союзниками. Занялись и родным народом. Люди вернулись с войны победителями, смотрели смерти в лицо, завели фронтовых друзей, встретили на Эльбе американцев и обнимались с ними. Солдаты повидали, как живут польские и немецкие крестьяне под игом капитализма. «Когда я увидел их погреб полный окороков, я просто рот разинул. И это в конце войны.» Так рассказывал мне один из моих дальних родственников, освобождавший Восточную Пруссию. Новый дух нужно было искоренять. Для начала вышел закон о запрещении браков с иностранцами – а тем кто пытался, давали семь лет. Наша знакомая Анна Ивановна Шурыгина рассказала как она со слезами на глазах рассталась со своей первой любовью – молодым коммунистом из Югославии, он предлагал ей чуть ли не бежать через границу, но она не решилась, боясь подвести родителей.

Сталин поддержал создание Израиля. Фронтовиков – евреев в Белоруссии вызывали в райком партии, и говорили, что «надо» ехать. Через Чехословакию продавали будущему Израилю оружие. И Советский Союз вместе с Америкой, преодолев сопротивление Англии и арабских стран, протолкнули в 1948 в ООН резолюцию о создании двух государств на территории Палестины. Но своего форпоста на Ближнем Востоке не получилось. Да и вообще, в империи, в которую превращался Советский Союз, роль евреев уже не та, что после революции, когда все надо раскатать под лозунгами интернационализма. Теперь надо строить империю. Началась борьба с космополитизмом. Она хорошо описана, например, в воспоминаниях врача Раппопорта и многих других

В том же 1948 году Нобелевку по химии дают за открытие ДДТ, но не пройдет и пары десятков лет как во всем мире запретят его применение. У нас в саду мы перестали применять «химию» еще раньше. В Америке создан первый в мире транзистор, наши шпионы, среди них много левых американских интеллигентов, копируют планы атомной бомбы, но в биологии мы идем исключительно своим путем. Происходит знаменитая сессия ВАСХНИЛ, где генетика объявлена лженаукой и ее сторонников заставляют каяться. Один из немногих, кто отказался отречься, был академик-экономист Немчинов, много лет спустя – основатель института, где я проработаю 20 лет, ЦЭМИ. Другим - генетик Иосиф Раппопорт, тот самый которого трижды представляли к награждению на Героя СовСоюза, но так и не дали. Хотели вдарить и по теорию относительности на следующей сессии, но Ст-н зауважал физиков за атомную бомбу, а хотел еще и водородную, и велел физиков не трогать.

Расскажу о том, что происходило в это время в Госплане по рассказам мамы и папы. Во время войны Госплан сыграл выдающуюся роль в организации победы. Во главе его стоял самый молодой член Политбюро, талантливый и не запятанный участием в чистках, Вознесенский. Он еще не так популярен, как Киров, но его друзья по Политбюро, Берия, Маленков, Ворошилов и другие решили, и

Сталин одобрил, что и не надо доводить дело до популярности. НКВД срочно состряпало дело против Вознесенского, а заодно и целое «Ленинградское дело» – гнусная идея осудить именно тех, кому пришлось наиболее трудно, тех, кто вел себя достойно во время блокады. Надо показать, что военные заслуги не в счет. В отличие от процессов 30х годов ничего об арестах, снятии с работы, и о судебных процессах в прессе не публиковалась. Как обычно, после ареста Вознесенского и еще нескольких других сотрудников высокого ранга, арестованных вместе с ним, должны были исключить из партии. В тридцатые годы это было стандартной, обычной процедурой. Но общее партийное собрание Госплана новоявленных врагов народа не исключило! Большинство из них проработало в Госплане с Вознесенским всю войну. Часть побывала на фронте, и фронтовики чувствовали себя по другому. Сыграло роль и то, что обвинения были смехотворными. Немецким шпионом объявить Вознесенского было никак нельзя, как же мы могли выиграть войну со шпионом во главе Госплана, и он кстати только что получил сталинскую премию за книгу о работе Госплана во время войны. Англо-американским? Но они же были нашими союзниками. Японским, тоже не сходилось. Троцкисты уже считались как бы исчезнувшими с лица земли, сам Троцкий уже давно убит героем Советского Союза – Меркадором. Пришили вредительство с послевоенным планом, но обвинения были экономически малограмотными. Несколько человек прямо сказали на собрании, что они не верят в то, что Вознесенский вредитель, и что это, наверное, просто ошибка наших славных органов. Общее собрание распустили и больше не созывали, и партийные собрания стали проводить по отделам. Мама рассказывала, что парторга их нефтяного отдела несколько дней подряд вызывали в райком, и после очередного посещения он пришел в свой кабинет, закрыл дверь на ключ и никуда не выходил. Когда пришло время обеда и сослуживцы стали звать его через закрытую дверь, он не откликался. Стучали все громче и громче, ответа нет. В конце концов дверь сломали, парторг сидел за столом, голова на столе, он уже не дышал после обширного инфаркта. Мама не выступала сама, но сказала папе, что он должен выступить в защиту тех, кого он хорошо знает. Папа так и сделал. Он сказал мне, что если бы не настояния мамы, он выступать не стал бы, боялся. Партийные собрания продолжались три дня, приняли неопределенные резолюции, но ничего не изменили. Вознесенский и руководители Ленинградского горкома были расстреляны, но большинство из обвиненных госплановцев отделались потерей работы или минимальными сроками. Я запомнил только одну фамилию из тех, в защиту которых папа выступил и кого он мне называл – Сухаревский. Тот руководил сводным отделом. В своем выступлении папа сказал, что в сводном отделе только сводят материал, а готовится план по отделам, и если его исключать из партии, то тогда нужно исключать всех, кто готовил план, т.е. весь Госплан. Когда С-й вернулся из ссылки (или из лагеря), то позвонил папе, чтобы сказать, что он всегда помнит его выступление. Кстати, история этого «Госплановского бунта», уникального в то время, пока не написана. Папа сам не пострадал за свое выступление, продолжал руководить сектором, но через несколько месяцев один из папиных хороших знакомых, работавших в отделе кадров, сказал ему: «Миша, у нас разрядка, скоро будем увольнять евреев. А о тебе еще и Вознесенский всегда хорошо отзывался, подавай-ка заявление об уходе». Папа растерялся, стал говорить, что пятнадцать лет честно проработал в Госплане, вступил в партию во время войны, начав работать младшим экономистом, стал завсектором, неоднократно отмечался приказами, награжден медалями и орденом за «самотверженную работу во время войны» и что вообще ему сначала надо найти другую работу. Но доброжелатель повторил еще раз: «Не валяй дурака, уходи пока не поздно, по собственному желанию». Так папа и сделал, и 2 ноября 1949 года приказом нового Председателя Госплана Сабурова был «освобожден от работы по реорганизации аппарата и откомандирован в Высшую школу профдвижения, согласно запросу». Ушел вовремя. За пять дней до выхода приказа, 27 октября 1949, был арестован Вознесенский, который с поста председателя Госплана

был снят раньше, в марте, а расстрелян почти через год, через час после объявления приговора. Кстати, судьбу Кузнецова, Вознесенского, да и всего так называемого «Ленинградского дела» решала комиссия, куда входили Маленков, Хрущев и Шкирятов, еще один Ст деятель. Большинство обвиняемых были расстреляны, как и многие их родные.

Так папа пошел преподавать в институт Профдвижения, а в 1950 году перешел в институт Экономики на Волхонке. Кстати это здание было построено в начале века для так называемого Вольного Университета, т.е. такого где лекции мог слушать каждый желающий, и открытого на деньги сосланного в Сибирь поляка Шанявского, ставшего там миллионером. К счастью для папы, к этому моменту он написал небольшую книгу о подготовке трудовых ресурсов, которую вскоре перевели на все европейские языки «стран народной демократии», да и на китайский тоже. Такое замечательное сочетание было придумано, чтобы отличать страны с однопартийным коммунистическим режимом от стран, где партий было несколько, но без коммунистов у власти, т. е. страны буржуазной демократии. По этой книжке он защитил еще в Госплане кандидатскую диссертацию, и сейчас она ему очень пригодилась. Вообще у папы благодаря его живому характеру и доброжелательности к людям, даже не очень хорошо знакомым и стоявшим ниже его на общественной лестнице, было много друзей и людей которые к нему хорошо относились. Во время разгара борьбы с космополитизмом мой двоюродный брат Витя Ш, сын самой доброй папиной сестры, тети Нюры, сдав нормально вступительные экзамены, не прошел в экономический институт со своим еврейским носом и анкетой. Папа пошел вместе с ним в Плехановку, где какой-то из его однокурсников уже занимал какой-то пост. Как рассказывает Витя, увидев папу, вошедшего вместе с Витей к нему в кабинет с растерянным и взволнованным лицом, тот сразу сказал, не дав папе проговорить ни слова, «Не беспокойся Миша, твой сын будет учиться в нашем институте». Папа смущенно ответил, что это не его сын, а племянник, на что тот так же немедленно повторил «Не беспокойся Миша, твой племянник будет учиться в нашем институте». И Витя стал учиться и кончил Плешку, стал экономистом и потом многое объяснил мне про советскую экономику и торговлю, например почему было трудно быть директором советской торговой точки или столовки. «Понимаешь, ему в голове нужно было всегда держать две бухгалтерии, одну для инспекторов, другую настоящую».

Одновременно с делом Вознесенского и Ленинградским, а может быть и ранее, сгустились темные тучи над светлыми еврейскими головами. Началась компания против космополитов, в основном с длинными носами. Для начала, 13 января 1948 г. под видом атомобильной аварии в Минске по личному указанию Ст-на, был убит Михоэлс, замечательный актер, друг Алексея Толстого и Эйзенштейна. Убит потому что Сталин знал, что Михоэлса не сломишь. Папа рассказывал мне о спектаклях Еврейского театра и что они с мамой иногда ходили туда. Вскоре театр был разогнан, как и Евр. Антифашистский комитет (ЕАК), который был создан во время войны и собрал большие деньги на поддержку России, в основном в Америке. Я еще был конечно маленьким и не знал ничего ни о разгоне, ни об убийстве Михоэлса, ни об аресте многих известных деятелей, в том числе и одного из моих любимых поэтов, Квитко или главврача Боткинской больницы Шиемеловича. Был раскручен большой заговор, заключенных пытали, чтобы добиться признания в измене, шпионстве, сионизме и т. д., но люди уже помнили процессы 30-х годов и их исход в случае признания, многие были на фронте, и держались необычайно стойко. Даже те, кто не выдержали пыток и признались «во всем», после окончания следствия отказались от показаний. Открытого процесса не получилось, их закрытый процесс кончится только в 1952 г., часть арестованных расстреляли, часть попала в тюрьму, одна лишь академик-биохимик Лина Штерн, добровольно приехавшая в С Союз из Европы строить социализм, отделалась ссылкой. Гениальный режиссер Эйзенштейн сам умер вскоре после смерти Михоэлса от

сердечного приступа, не дожив до пятидесяти, Тогда я ничего этого не знал, но что-то как-то просачивалось в мое сознание. В какой-то момент я уже знал что евреем быть трудно, что мой папа еврей, что я записан в паспорте русским, но я русский лишь наполовину и что мое имя – имя необычное, его нет ни у одного моего сверстника.

Из ранних воспоминаний помню что одно время взрослые много говорили о денежной реформе, но что ? Впрочем ее сущность хорошо описана в тогдашнем анекдоте о человеке, пришедшем советоваться с раввином по поводу этой реформы: нужно ли снимать деньги со сберкнижки или наоборот все положить на нее. В этот момент вбегает молодая девушка, говорит что у нее сегодня брачная ночь и просит срочно совета как ей лечь: на спинку или на животик. Ребе дружески говорит: «Не беспокойтесь, милая девушка, как бы вы ни легли...» Потом поворачивается к первому просителю. «Кстати, к вам это тоже относится». Кажется немного выиграли тогда те, кто положили, у них был другой курс обмена.

Папа объясняет мне идею сложных процентов, в которой меня, как видимо и миллионы других, восхищает то следствие, что в какой-то момент можно жить просто на проценты, ничего не делая, но и не проедавая свой капитал. Правда необходимая сумма получается неизмеримо большой, а ведь мама получает около 150 рублей, а папа чуть больше двухсот. Министр получает тысячу семьсот. стакан газировки с сиропом стоит 4 копейки, а без сиропа 1 копейку. стакан томатного сока – 10 копеек, но соль и перец клади сколько хочешь. Конусы с разными соками можно найти в нашем Универмаге. На Сретенке есть рыбный магазин, где продаются замечательные бутерброды со свежим хлебом, намазанные рыбными консервами. Вообще смутное воспоминание, что продовольственных товаров в 50 гг. в Москве было много, но просто у населения было мало денег. На Сретенке мы иногда заходили с папой в коммунальную квартиру, где жила Рахиль Натановна Дыскина, наша родственница, одинокая женщина с добрым, очень благородным лицом. Как сказал мне папа, в молодости она была врачом в конной армии Гая, которая воевала на польском фронте и была интернирована. Что означает это слово, и кто такой Гай, (в 37 г. расстрелянный), я не знал, а расспросить про гражданскую войну не догадался. В детстве не думаешь, что люди могут умереть и с ними их воспоминания.

Одну из первых историй которую я не прочитал, читать я тогда совсем не умел, а услышал, был рассказ Толстого «Кавказский пленник». Его читал мне муж папиной сестры Иды, дядя Муля, т.е. Самуил, тоже Сонин, который жил на Дальнем Востоке но, приезжая в командировку в Москву, останавливался у нас. История Костылина и Жилина попавших в плен на Кавказе, дружба Ж с татарской девочкой, которая помогла ему бежать, его скитания и спасение, а может быть и то как внешне безхитростно рассказал это все Толстой, произвели на меня такое глубокое впечатление, что я попросил Мулю прочитать рассказ еще раз. Он прочитал. Через пару дней я увидел Мулю сидящим на диване и снова попросил прочитать. М очень ценил гостеприимство моих родителей и их единственному сыну отказать не мог. И еще и еще. Как рассказала мне через много лет мама, М сказал ей перед отъездом «Ты знаешь Катя, Исачок вроде развитый ребенок, но что-то с ним не так. Я ему Кавказского пленника прочитал шесть раз, но он просил снова почитать».

По рассказам мамы, да я сам хорошо помню, что в раннем детстве я был очень незакомплексованным бойким ребенком. Когда мы с мамой и папой иногда зимой приезжали на субботу, воскресенье в Госплановский дом отдыха «Авангард», то для маминых знакомых и просто незнакомых я с удовольствием исполнял на паркете бального зала самодельную «чечетку», которой меня никто не учил, но которую я видел на каком-то концерте. До революции Авангард и его подсобное хозяйство были чьим-то поместьем и не рядовым. Главное здание было большим каменным двухэтажным зданием с белыми толстыми колоннами. Внутри мое восхищение вызывали громадные

деревянные комоды с резными ножками и углами с какими звериными мордами. Помню что любил ощупывать эти морды и их завитушки. Кстати в этом Авангарде я был потом еще 4 или 5 раз в зимнем пионерском лагере, каждый раз надеясь встретить и всегда встречая, худенькую белокурую девочку. Я знал ее имя, Оля Ш-х и каждый зимой пару раз танцевал с нею, когда танцы были вкруговую, т.е. два круга вращались и все сменяли партнеров на несколько минут. Кстати, со времени Революции прошло не так уж много времени, и в Госплановском доме отдыха и даже на празднике во дворце пионеров мы танцевали такие явно дореволюционные танцы как подиспань, подекатр, подеграс, когда идешь парой держа партнершу за руку. Звучал конечно и фокстрот, например Рио Рита, танго и вальсы. Я в общем то стеснялся танцевать, но все же иногда танцевал. Мои следующие туры танцев были уже на первом курсе в МГУ, где я записался на полгода в школу танцев. В основном это было местом знакомств.

Среди других, ранних «Мещанских» воспоминаний, это как мы с мамой ходили в гости к ее подруге госплановке жившей на том же этаже. У многих москвичей в то голодное время подспорьем служили посылки присылаемые родными из деревни. Там тоже конечно многого нехватало. Я например хорошо помню как мои родители не один раз в год посылали посылки в деревню с крупой и сахарным песком, а оттуда приходили посылки с замечательно пахнущим и вкусным свиным салом. Этой маминной подруги родные с Украины присылали то, что влекло меня к ней в гости с неудержимой силой. Приходя к ней в комнатку, я сознавал что веду себя нехорошо, попрошайничая, хотя и бессловесно. Я не мог оторвать взора от деревянной полочки, на которой в полотняном мешочке лежала сушеная вишня. Мамина подруга тоже смущаясь и, уже не спрашивая меня чего я хочу, развязывала мешочек, не такой уж и большой, и насыпала мне в чашку мое любимое лакомство. По моему, в конце концов, мама, будучи очень чувствительной, просто перестала меня брать туда с собой в гости. Любовь к вишне, и сухой и свежей я пронес через всю жизнь. Запомнил я и как однажды пришел в гости к Валерику Курнаеву, о рождении которого со мной на пару, я уже рассказывал. Я уже умел рисовать дома, кошек, собак, солнце, радугу и все что может рисовать маленький ребенок которому родители купили цветные карандаши. Набор состоял из шести цветов, потом появились 12 цветные, а далее и 24 с немыслимым белым светом. Так вот я уже слышал, что Валера очень любит рисовать и пришел к нему со своими карандашами и мы стали рисовать каждый свое, но то ли мы с ним решили, то ли родители попросили нас обоих нарисовать наш дом, тот самый в котором мы жили. Я довольно быстро и смелыми штрихами нарисовал дом и пустил по фасаду несколько окон. Валера еще что-то долго выводил и выправлял. В конце концов он тоже кончил и разрешил мне посмотреть. Я увидел дом нарисованный гораздо лучше и не так криво как у меня, но главное что потрясло меня - что В. не поленился довольно аккуратно нанести все пять длинных рядов окон. Я очень хорошо помню охватившее меня чувство, что я никогда не смогу так хорошо рисовать, хотя бы потому, что у меня не хватит терпения выводить окна ряд за рядом.

За год до того как я пошел в школу, мои родители отдали меня в так называемую прогулочную группу немецкого языка. Так несколько старых интеллигентных дам подкрепляли свой скудный пенсионный бюджет тем, что на несколько часов брали на себя гулянье с 5-6-7 летними детьми, благо что рядом с нами на Первой Мещанской, ныне Проспект Мира, был замечательный Ботанический сад Академии наук, большая часть которого была открыта для широкой публики, в основном белым днем для мамаш и бабушек с малыми детьми, а вечером, пока его не закрывали на ночь, для свиданий молодежи. Туда же заходили как водится и взрослые мужики, чтобы поддать в середине рабочего дня в культурной обстановке на лоне природы. Чтобы немного поднять расценки и избежать конкуренции со стороны простых бабок, тоже готовых гулять с детьми, дамы обещали научить детей говорить по немецки, которым наша дама Мария Вениаминовна по моему владела свободно, а

может и просто была немкой. С немецкими детьми ушли недалеко, в основном утром, приходя в группу, мы говорили Гутен морген и далее переключались на родной русский, играя в больших песочницах или гуляя по аллеям разбитые по парам. Тем не менее, немецкая направленность, а может быть связанная с нею повышенная оплата, привели к сильному отбору. Родители в группе все были непростые. Именно там мои родители познакомилась с родителями моего будущего друга Вити Гутенмахера, он же Гутен. Они, как и мой папа, были евреями. А Лев Израйлевич, также как и папа, работал в Академии наук, руководил лабораторией и был по настоящему крупным ученым, одним из создателей первой советской вычислительной машины. Он, что тогда было большой редкостью, был даже Лауреатом Сталинской премии.

В холодные дни наша прогулочная группа иногда заходила в большую комнату М В-ны, жившей в громадной коммунальной квартире, которая возможно когда то принадлежала ее семье. А как иначе немка пенсионерка могла бы тогда получить в Москве большую комнату ? Здесь, именно в этой группе и как я хорошо помню, именно в этой комнате, я и встретил свою первую любовь. Любовь, а я всегда любил с первого взгляда, и думаю что другой и не бывает, вообще загадочное чувство. Помню, как сидя на бревне у костра в альплагере и глядя на двух девушек подруг, сидящих по другую сторону от костра на другом бревне и, то пропадаящими в темноте, то ярко озаряемыми, я думал про себя. Они сидят рядом в одинаковых позах, они очень похожи, и лица и фигуры, но почему одна совершенно не волнует меня, а на другую я даже не могу взглянуть без того, чтобы мое сердце не сжалось и начало биться быстрее. Так вот, моя первая в жизни любовь началась также. Все остальные девчонки были как девчонки, а на эту мне хотелось время смотреть, хотя подойти и начать с ней играть я стеснялся. Она была очень живой и веселой и придя в комнату к МВ, легла на бок на ковер и легко сделала кольцо, т.е. достала пятками свой затылок. Я встретил ее через много лет в своем же 5 ом классе, но учились вместе мы правда не долго. Она оказалась дочерью известного цыганского артиста, расцвела еще больше, но прежнее очарование исчезло напрочь. Видимо для меня она была той, кого Набоков позднее, ведь Лолита (1955) еще не написана, окрестил нимфетками.

Помню и самый первый в жизни анекдот, который мне рассказали или который просто запомнился. Человек спрашивает у прохожего где ближайшая уборная и тот начинает долго объяснять дорогу и это описание и составляет большую часть анекдота. В конце, тот которому он рассказывает, вежливо говорит «Спасибо, уже не надо». Связано ли то, что я его запомнил с тем эпизодом в детском саду, я не знаю, но ведь так много связано с естественными « по маленькому» и «по большому», что это не мудрено. Кстати этот анекдот напоминает и том что в сталинские и послесталинские времена туалетов в Москве было раз и обчелся и знание их расположения и отличало коренного москвича от иногородних. Когда после свадьбы я попал в первый раз в ГДР и узнал что там туалеты платные, я был глубоко этим возмущен, но возмущение мое длилось до первого посещения, когда я увидел как чисто в платном туалете. Одним из видимых результатов перестройки, о котором могут и не знать новые поколения - это что сходить по большому в Москве больше не проблема.

А тем временем, в августе 1949 г. была взорвана 1-ая советская атомная бомба. По ее поводу я запомнил на всю жизнь разговор в переполненном троллейбусе с каким-то работягой. Бабушка стояла, а мне уступили место и я сел рядом с ним. Я называю его работягой, потому что он был очень просто одет. Не знаю как мы разговорились и о чем, но в какой-то момент я сказал ему, что теперь мы всех победим или что то в этом роде. На это он ответил довольно странной для меня фразой, и почему то я ее хорошо помню. «На всякое оружие есть контроружие.» Я сказал что против атомной бомбы нет никакой защиты и мы всех победим. Он повторил снова « На всякое...». В общем типичный антисоветчик.

Атомная бомба сделала Ст-на увереннее. Не только окончательно захвачены все страны «народной демократии», но и внутри их проведены чистки, расстреляна часть верхушки в Чехословакии и Венгрии, в основном евреи. Вообще газеты и журналы и радио твердят что Запад плох и загнивает, трудящиеся под руководством коммунистов и несмотря на полное предательство всяких социал демократов все время бастуют, особенно докеры во Франции. С искусством там тоже полный развал, абстракционисты рисуют так что от обезьяних рисунков отличить нельзя, в 1949г директор Третьяковки осуждает Сезанна, Матисса и даже Пикассо, который потом прощен за голубя мира. Луи Арагон, муж сестры Лили Брик и большой друг С Союза, признает на пленуме французского ЦК свою ошибку – в его журнале был напечатан портрет С-на работы Бретона, изображающего не мудрого Генералиссимуса, а злого и хитрого грузина.

А мы тем временем начинаем ходить в баню с папой. До этого раз в неделю меня купали в цинковой ванне. Ее устанавливали на два стула в прихожей. Из общей кухни приносили две громадные кастрюли – с горячей и холодной водой. Я становился в ванну, мама слегка обдавала меня теплой водой из кувшина, где смешивалась холодная и горячая вода, густо намыливала меня и долго терла мочалкой. В конце была самая приятная часть: кувшин поднимался высоко, и теплая вода лилась уже не тонкой, а обильной струей, мыльная пена смывалась, а мама приговаривала: «Как с гуся вода, так с тебя худоба». Потом меня обтирали полотенцем, заворачивали в простыню и несли в постель. Худоба с меня впрочем так и не сошла за всю жизнь.

Начало походов в баню знаменовало переход из детства на более взрослую ступень. Мы ходили по вечерам. Я почему-то помню такие походы зимой, трамваи ходили редко, и мы часто шли всю дорогу пешком. От Мещанской до Банного переуллка. В руках – небольшие сумки, в них лежат: мыло, мочалка, по два полотенца, для ног и общее, и смена чистого белья. В бане покупаешь билет, иногда отстояв небольшую очередь, находишь место в раздевалке на длинных диванах с номерками над головой, вешаешь белье на крючки, сдаешь одежду гардеробщику иходишь в большой каменный зал с желто-грязными стенами. Нужно найти две или три свободные жестяные шайки и место на плоской каменной скамейке, которую с обеих сторон занимают еще 6-8 человек, окатить это место кипятком, чтобы было чисто и не противно, одну из шаек с теплой водой ставишь себе под ноги и начинаешь намыливаться. В стороне стоит ряд из 6 душей, где мыло можно смыть. Потом начинается вторая часть, мы с папой идем в парную. Открываешь дверь в большую комнату, и тебя сразу охватывает жаром. Рядом с дверью большая печь, в которую время от времени кто-то выплескивает шайку с холодной водой, которая, превращаясь в пар, мгновенной отлетает назад, делая жар еще жарче. У дальней стены от пола к потолку идут большие деревянные ступени, оканчиваясь деревянным настилом, где стоят несколько деревянных же скамей (никакого металла быть не должно, обожжешься). Там в клубах пара несколько мужиков хлещут себя или другого веником. Березовые или дубовые веники нужно купить у входа, а если их там нет, то можно подобрать оставленный, и тоже окатив его кипятком, начать себя отхлестывать. Папа учит меня, как правильно хлестать, чтобы не поранить кожу, не хлестать по сердцу, ведь у меня оно, кажется, бьется прямо под кожей, учит как хлестать себя по спине, ударяя накрест через плечо, выворачивая кисть и хлеща назад. «Знатоки» после некоторой дискуссии опять поддают пару, и наверху становится невыносимо жарко, и я спускаюсь пониже. Парная и русская баня – замечательные изобретения, душ и ванна дома не могут их заменить. Да и находясь голым среди голых, лучше понимаешь, что не такая уж большая разница между богатыми и бедными, образованными и малограмотными, русскими, евреями или татарами. После парной, еще раз приняв теплый душ, чтобы смыть обильный пот, возвращаемся в раздевалку, сидим, закутавшись в большие белые простыни, что позволяет себе далеко не каждый посетитель, поскольку это еще дополнительный гривенник банщику.

Сама баня стоила тридцать копеек. Иногда мы пьем квас или лимонад. Мужики, с полотенцами вокруг чресел, стоят в очереди за пивом из бочки, с большой надписью сверху: «Требуйте долива пива после отстоя». Тщательно закутавшись, мы идем с папой домой в звездной темноте по хрустящему снегу. Иногда мы играем в «балду», нужно добавлять по одной букве, и проигрывает тот, кто не сможет продолжить цепочку городов – Москва – Астрахань – Николаев – Вятка -Арзамас. Тут мы с папой спорим, ведь Вятка уже не Вятка, а Кировск. А Арзамас.... Иногда мы играем в салки ледышкой, которую подбиваешь ногой. После возвращения из бани, по традиции, идущей из детства, я ложусь в высокую постель рядом с мамой. Мама тоже пришла из бани, но она ходила с бабушкой, отдельно от нас. От мамы приятно пахнет, мама что-то рассказывает мне, но я быстро проваливаюсь в глубокий сон.

Мама и папа, как хорошие интеллигенты первого поколения, хорошо понимали необходимость физической культуры. Утренняя гимнастика в нашей семье не привилась, родителям нужно бежать на работу, а я хотя и слушал с удовольствием бодрый и удивительно физкультурный голос замечательного диктора (Гордеева ?) и веселую песенку сопровождавшую зарядку «Почему я не болею, почему я здоровее всех ребят из нашего двора ? Потому что утром рано заниматься мне гимнастикой не лень, потому что водою из под крана обливаюсь я каждый день». Мелодия немедленно всплывает в моей голове даже сейчас. Кстати радио-репродуктор не такая уж плохая вещь и, как и многие другие хорошие штуки, она пала жертвой так называемого большего выбора для потребителей. Большая черная тарелка висела почти в каждой квартире, стоила всего несколько копеек в месяц и хотя конечно верещала много пропаганды, но несла и множество замечательных передач. Особенно хороши были Клуб знаменитых капитанов, Театр у микрофона с пьесами Островского из Малого театра или хорошими операми из Большого, симфонические концерты которые я слушал без особого энтузиазма, но сейчас вживую слушая симфонический концерт в Америке, я вспоминаю часто что эту мелодию я же слышал давным давно. Вообще надо сказать, в радио есть волшебство, которое начисто отсутствует даже в хорошей передаче по телевидению. Радио увлекает тебя, заставляет воображать, думать. Голубой экран - это искусство для ленивых, и главной оно делает людей ленивее.

Физкультура в нашей семье проявилась в основном в том что родители купили себе лыжные ботинки и хорошие лыжи с финскими креплениями Ротафелла, что были большой редкостью и видимо стоили недешево. Это те самые крепления, что стоят сейчас на всех лыжах и уже никак не называются. У родителей были и специальные синие лыжные костюмы, мне кажется сшитые на заказ в ателье и весьма смешные, бесформенные штаны, куртки странного пошива и шапки с большими помпонами сверху, детям вообще часто кажется что их родители выглядят смешными в других глазах, и они стесняются этого. Почти каждое воскресенье зимой мы отправлялись либо в Останкино, либо в Сокольники, а иногда даже и на какую нибудь подмосковную станцию и там два или три часа ходили по заснеженному парку, а иногда соответственно и лесу. Много раз после лыж мы заходили в Останкинский музей творчества крепостных – бывшую усадьбу графа Шереметьева, того самого который женился на своей крепостной актрисе – Паше Жемчуговой и который после ее смерти построил в ее честь больницу, переименованную потом Склифассовской и расположенную недалеко от 2-й Мещанской на Садовом кольце. Эту историю я знал и раньше, потому что Бабушка, певшая довольно редко и наверное всего четыре, пять песен, одну пела про нее. Помню только строчки после того как Паша встречает графа на проселочной дороге «Ах, ты милая крестьянка, чьей деревни ты села. Вашей милости крестьянка, отвечала ему я». Бабушка пела высоким жалостливым голосом, может быть потому что судьба П Ж-вой была не очень счастливой, она умерла еще в молодости от туберкулеза. Выходу на лыжи предшествовала важная церемония выбора нужной по температуре лыжной мази и непростого намазывания и растирания ее специальной пробкой. Лыжников в подмосковье всегда было много и

поэтому было много хорошо накатанных лыжней. У меня на ногах были валенки и ременные крепления и вначале я очень уставал и отставал от родителей, но постепенно освоил технику переменного хода, когда попеременно скользишь на одной ноге, перенеся на нее тяжесть с другой. Такое искусство кажется очень естественным, но я понял, что это совсем не так, когда много лет спустя мы пошли на лыжную прогулку цэмишной компанией и взяли в нее нашего стажера американца Ричарда Э. Все мы, даже не очень умелые девушки, по крайней мере стояли на ногах и естественно могли двигаться, а бедный Р каждую минуту просто падал, потому что тому как поддерживать равновесие на лыжах надо учиться и лучше в детстве. Маме на день рождения я обычно рисовал большой рисунок и один из них долго хранился в нашей семье и не раз вспоминался. На нем мы были нарисованы втроем идущие по лыжне и внизу большая подпись «На лыжах дружная семья в Сокольниках идет и впереди глава семьи – родная мамочка идет». С рифмой было слабо, но я написал точно то, что чувствовал. Кстати а почему бабушка не ходила на лыжах ? Ей не было и 60, но тогда ее годы казались и мне и другим уже совсем нефизкультурным возрастом и предложение поставить ее на лыжи показалось бы нелепой шуткой.

К сожалению, такой любви к лыжам я не передал своим детям, а ведь одно из самых больших наслаждений в жизни это бежать, уже порядком пропотевши, по хорошей лыжне солнечным зимним днем, покрикивая иногда «лыжню» замешковавшемуся впереди лыжнику, ну скажем «младшего» класса, или остановившись, выпить горячего сладкого и обязательно с лимоном чаю из термоса и любоваться снежинками и рисунками звериных и птичьих следов, а если рядом девушка в которую влюблен, то и мечтать о большем нечего. В зрелые годы, и в отсутствие любимой девушки, я завел еще традицию после горячего чая, расстегнув штаны, выписать на снегу «Слава КПСС» и, если хватит струи, поставить в конце большой восклицательный знак.

В марте 1950 г. СССР объявил всему миру что имеет атомную бомбу (кстати только в 21 веке я узнал какую роль в ее разработке принял дважды Герой соц. Труда Манфред фон Арденн, ранее примерно также награжденный лично Гитлером, и другие немецкие ученые), и значит можно попробовать новую, пока небольшую войну. Она и начинается летом в Корее, т.е. по плану, разработанному советскими советниками, Север нападает на Юг. И к августу почти вся Южная Корея захвачена. В газетах каждый день публикуется карта Кореи, где еще не захваченная территория сжимается все меньше и меньше, но в сентябре американцы высаживают десант в середине полуострова, окружают Северокорейцев и картинка начинает быстро перестраиваться в другую сторону. Ну что ж, из рукава достаются козыри, в бой вступает полмиллионная армия «китайских добровольцев» и в воздух взлетают новейшие советские МИГи.

Итак холодная война кончилась, началась первая горячая война между двумя лагерями, а я иду в школу в первый класс (осень 1950 г). Зимой мне исполнится восемь лет и можно было пойти в школу и прошлой осенью, я уже умел читать, но я такой маленький и худенький, что мама и папа решили еще на год оставить меня дома. Среди моих одноклассников (одноклассниц тогда не было, обучение было отдельным) у половины, наверное, не было отцов, не вернувшихся с фронта, многие жили очень бедно, не просто в маленьких комнатах в общей квартире, но помню и семьи жившие в закутках, отделенных фанерными перегородками от других семей. Я не буду описывать школу № 254. Это была хорошая московская школа. Когда через много-много лет я навестил свою первую учительницу – Екатерину Терентьевну Лаврухину, первый вопрос, который она мне задала, был: «А ты не член партии?» Я сказал нет, она сказала Слава Богу и стала рассказывать мне и о своем детстве и о нашей школе. Оказывается, что сама она была сиротой, которую воспитал один из московских купцов-миллионеров, сказала, что большевики разрушили большую культуру. Оказалось, что наша школа была организована на базе

гимназии, но многие учителя остались, и что у нас были хорошие учителя. В отношении нее у меня и раньше не было никаких сомнений. Семья, двор, школа – три столпа воспитания.

1951. Я начинаю читать газеты, и журналы «Крокодил» и «Огонек», на которой родители подписывались вместе с «приложениями». Еще в 1946 Черчилль произнес свою знаменитую речь, где он совершенно правильно сказал о железном занавесе, а что же еще Ст накинул на весь «прогрессивный» лагерь. За это Ч-ль немедленно стал «поджигателем войны», и на многие годы таким и остался. Карикатуры на него, толстого, с сигарой и в черном цилиндре стали постоянной темой в Крокодиле. Читал я Кр-л с большим удовольствием и пришел к некоторым интересным выводам, но они описаны в «пиджаках». Идет война в Корее, плохие американские захватчики зверски применяют напалм против мирных жителей, а заодно начинают и «биологическую войну», следов которой потом не оказалось. Помню обложку «Крокодила», где из-под дырявого флага ООН, высовывается зверское лицо американского солдата со штыком. Флаг ООН держит худая фигура в штатском – это генеральный секретарь ООН – Трюгвели. То, что почти весь мир осуждает агрессию Северной Кореи, из советских газет узнать было нельзя, наоборот все «прогрессивное человечество» осуждало «американскую агрессию в Корее». И почему же американские, канадские и другие войска воюют под флагом ООН, и уже не с северокорейцами а «китайскими добровольцами», до меня тогда не доходило. Через много лет у меня был интересный разговор с инженером, бывшим летчиком – истребителем, который воевал в Корее. Он рассказал, что их, так называемых «инструкторов», было не так уж мало, и они действительно дрались в воздухе с американцами и вначале довольно успешно, Миги были хорошими истребителями. Правда только над своей территорией. Чтобы если их собьют, не могли захватить в плен. Его выслали оттуда, хотя интересно что и никак не наказали, за то, что он отказался сбить гражданский южнокорейский самолет, залетевший по ошибке в Северную Корею, который он встретил в полете. «Я летел совсем рядом и видел женщин и детей за окнами. Запрашиваю базу, что делать, говорю что самолет явно гражданский. Приказывают, сбивай. Я подумал, подумал, и решил, да пошли вы на х... Не буду детей убивать. Когда вернулся, сказал что промахнулся.» Через тридцать лет другой летчик такой приказ выполнил, когда большой гражданский южнокорейский самолет залетел на Камчатку. На другой обложке «Крокодила» помню карликовую фигуру Тито с бульдожьей мордой и с окровавленным топором и петлей. Это конечно после вскоре после решительного разрыва Тито со Сталиным. Молодец Тито, не побоялся совершить пойти против Ст-на. Впрочем в тридцатых годах он прошел коминтерновскую школу в Москве, и хорошо понимал чего от Ст-на можно ожидать, даже если полностью подчиниться ему. Почему-то запомнилась и фраза открывавшая «сатирическую» статью про Югославию в том же номере, «Было раннее утро, но Ранкович уже ползал в ногах у американского посла». Ползал не ползал, но Тито, у которого тогда Ранкович был одним из помощников, обеспечил американскую помощь своей стране и самый высокий уровень жизни среди всех соцстран, а что до своего диктаторства, то наверное многие югославы во время кровавых Балканских войн в 90х годах в центре Европы не раз вспоминали его мирную диктатуру добрым словом. Где-то в 51 г. у Сталина случился небольшой инсульт, все текущие дела переданы тройке —Маленков, Булганин, Берия. Хрущев еще пока на вторых ролях, вроде малограмотный украинский мужичок, но еще себя покажет.

В 1950-1 родители получили участок и вместе с другими Госплановцами стали выращивать Сад. Сад – это не квартира, но в моей жизни он сыграл такую роль, что о нем нужно рассказать, хотя бы кратко. Отчасти, я это сделал в своем рассказе «Прогулка далеко», где я описываю один день примерно в 1980 году, когда сад уже был частично ликвидирован, и я поехал туда чтобы выкопать то что можно захватить на новый участок. А там я вспоминаю недавно умершую Бабушку.

Я начинаю читать и книги. Очень хорошая Ильина и Сегала «Как человек стал великаном» – история развития человечества. Отсюда пошла моя любовь к истории. Роман Джованьоли «Спартак» из родительской библиотеки – это один из первых больших романов которые я прочитал. Помню и Суллу и Спартака и куртизанку Эвтибиду, якобы все погубившую и яркое описание гладиаторского боя, а вот любовь Сп-ка и патрицианки Валерии не произвела впечатления, хотя по Джованьоли эта любовь и обошлась всем восставшим так дорого. Эвтибида не могла ему простить, что он пренебрег ею и начала мстить налево и направо. Конечно читаю сказки, былины, уральские сказы Бажова, и вообще все что попадает под руку. В какой то момент я понимаю что далеко не все книги одного уровня.

1952. Первый съезд партии за много лет. Увеличено число членов Политбюро, а внутри него создан Президиум. Так Сталин готовит смену старой гвардии. В воздухе пахнет переменами, но в какую сторону ? Начинаются восстания в лагерях Казахстана, описаны Шаламовым, Солженицыным и Паниным – прототипом Солодина в «Круге первом», но обо всем этом я узнаю много лет спустя. А пока я продолжаю читать газеты и слушать радио, телевидения еще нет, и начинаю узнавать историю России до и после революции. Возникает странная картина непрерывной борьбы как против внешних, так и внутренних врагов, причем внутренние враги, это бывшие свои, ставшие предателями – троцкисты, меньшевики, соглашатели, примиренцы, и множество других вредителей. Кирова застрелил троцкист, в Ленина стреляла эсерка – Фани Каплан. Папа сказал что Горького погубили врачи, не запрещая ему сидеть у костра, что он очень любил и что было ему очень вредно. Я подумал тогда «все-таки странный способ погубить человека, видимо у этих врачей были остатки совести».

Окончился закрытый процесс по делу Еврейского Антифашистского Комитета (ЕАК). Процесс шел в тайне. О приговоре советская печать не сообщала. Август 1952 г., расстреляны Перец, Маркиш, Бергельсон, Фефер, друг и помощник Михоэлса Зускин, Лев Квитко, чьи стихи, например про Коня, звучали такой чудной интонацией, так нравились мне в детстве. Его же «Слива», впрочем Слива понравилась мне уже взрослому, «О сладостной сливе, о славе ее никто не сказал еще слово свое...».

В январе 1953 начинается новый виток антисемитизма. В Правде появляется статья без подписи «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Это в основном крупные врачи, большинство с еврейскими фамилиями. Вскоре по радио рассказывают о деле врачей-вредителей, которые окопались в Кремлевке, о которой папа и мама, хотя и не имели к ней доступа, но отзывались с большим почтением. На встрече родственников это горячо обсуждается, но я не прислушиваюсь. Папа позднее со смущением говорил, что он верил, что что-то есть, может и есть таки среди евреев врачи-вредители, хотя его гораздо менее образованные родственники говорили ему: «Миша, окстись, это же снова дело Бейлиса». В статье упомянут и Джойнт - еврейская буржуазная организация. Кстати папа вспоминал как после школы, в голодное время он попал на время в Крым, где этот самый Дж-т пытался помочь евреям крестьянам. Поработав немного на земле, папа почувствовал что по здоровью не потянет и на его счастье таким образом потерял всякую связь с этой преступной организацией. Кстати папа вспоминал, что в тридцатые годы из-за загруженности работой в Госплане, он выбыл и из московского общества эсперантистов, что также спасло его, поскольку позднее его друзей эсперантистов арестовывали просто по спискам этого общества. Вот почему эсперанто так быстро потеряло популярность в России. Много лет спустя, я узнал и больше. Дело врачей-вредителей должно было послужить прелюдией к высылке евреев из Москвы, и новой чистке среди верхнего эшелона власти, среди старой гвардии – Молотов, Ворошилов, Каганович и др. Для газеты Правда было подготовлено письмо от имени видных деятелей еврейской культуры, ученых, артистов и т.д. с просьбой защитить евреев «от справедливого гнева советского народа». Кое-кто подписал это письмо, но многие, в основном физики-академики отказались. Отказался и Эренбург и вместо этого послал личное письмо

Сталину. Оно сохранилось, и его можно прочитать. Письмо мужественное, хотя это скорее было мужество по расчету. Эренбург в жизни пошел на множество компромиссов. И самый большой состоял в том, что, сидя за границей в президиумах и советах «защитников мира» и борясь против «поджигателей войны», он был ничем более как подсадной уткой, плывущей по воде под грохот (неслышимый многими на Западе) выстрелов по таким же как он, и даже просто по его друзьям. Но высылка евреев из Москвы, и, возможно, погромы, это уже было за чертой, но не оседлости. Письмо очень умное, оно не апеллирует к душе или совести Сталина, оно популярно объясняет ему, что за границей этот номер не пройдет, и весь нажитый победой в войне пропагандистский капитал пойдет прахом.

Впрочем, еще позднее я прочитал в воспоминаниях физика Х., что возможно в этом и состояла идея Сталина. Взрыв возмущения на Западе, может быть даже угроза со стороны Америки, прекрасный предлог для начала третьей Мировой. На нас опять хотят напасть! Атомная бомба у нас уже есть и вот-вот на подходе водородная (Сахаровская «слойка», что будет взорвана через пару месяцев после смерти Сталина и в разработке которой приняли участие многие замечательные математики и физики, Наймарк, Дмитриев – ученик Колмогорова, Гельфанд, Зельдович и многие многие другие, а вот отказались Капица и А. Яглом. Полезет ли тогда Америка спасать Европу – большой вопрос, а без нее нашим танкам и пехоте дойти до Атлантики раз плюнуть, и народная демократия во всей Европе. Тогда в Союзе уже никто не будет завидовать заграничному уровню жизни, он у них будет как у нас.

Папа, много лет спустя, рассказал мне и следующее. За пару месяцев до смерти Сталина, к маме подошел ее однокурсник по институту, работавший на десятом, секретном этаже Госплана и сказал: «Катя, мы работаем над планом вывоза евреев и их размещения в Сибири. Пока не поздно, разведись с Мишей, спасешь и себя и Исачка». Мама пришла домой и рассказала все папе, папа сначала не хотел верить, но понимал, что если так можно было сделать с миллионами раскулаченных, с крымскими татарами, чеченцами, ингушами, корейцами и многими многими другими, то можно и с евреями, а ведь ссылка еще не самое худшее. Это не «десять лет без права переписки», фраза получаемая многими семьями в ответ на запрос о судьбе близкого человека, что на НКВДэшном языке означало тот свет. Папа заплакал и сказал, пусть мама сама решает. Мама подумала и сказала, что разводиться не будем. Если сошлют, то поеду вместе с тобой. Насчет меня, вопрос оставили открытым – брать ли с собой или оставить бабушке, видимо хотели посмотреть на вагоны, в плацкартный наверное взяли бы, а в общий или товарный, оставили бы.

Но, к счастью, в марте 53 г Сталина ударил инсульт. Очень возможно, что именно Берия, зная что после недавнего «мингрельского дела» земля под ним горит, и имея под началом «спецмедицину», помог старому другу. Берия был безусловно человеком неглупым и решительным, и мог решиться поставить все на кон. Он безусловно предпочитал, по легенде, трахать девушек подобранных на улицах Москвы, чем участвовать в новой, да еще ядерной войне. Кстати этих девушек, кроме одной любовницы почему то не нашлось. Я хорошо помню, как на второй день после первого мартовского бюллетеня, прочитанного торжественно, со скорбинкой Левитаном, мы гуляли по размокшему двору с Жорой Рониным (потом ставшим Бобровским, кончившим МИФИ, работавшим в Курчатнике, очень хорошим и чистом человеке) и хладнокровно прогнозировали, что дело видимо швах. На третий день обстановка в школе была гораздо более напряженной, потому что мы все понимали, что если гениальный вождь умрет, то уроки безусловно отменят, и может быть даже не на один день а на целых два ! Каждый понимал, что это грешная мысль, но соблазн был необорим. И вот, после третьего урока в класс входит наша заплаканная учительница музыки, с удивительным именем Муза Петровна, и объявляет, что умер великий Сталин, уроков больше не будет и нас отпускают домой. Некоторые не могут скрыть своего

возбуждения, и наша Муза, всплескивая руками, говорит: «Даже в такой день, вы не можете вести себя». Ну почему же не можем? Я хорошо помню, как проходя по нашему коридору на Мещанке, я видел печальные или даже заплаканные лица, и хотя я и не чувствовал особой скорби, но подумал, что если я засмеюсь или захихикаю, то моим родителям может быть плохо. А моя следующая крамольная мысль была такова. А что если среди этих печальных лиц многие также печальны, как и я, т. е. притворяются. Это кстати верно и в отношении гитлеровской Германии. Да, на кинохронике видно как все радуются и беснуются, когда Гитлер медленно едет в открытой машине. А что собственно делать человеку в такой толпе, попробуй не возликуй. То что Ст-н никогда не был популярен, следует напрмер из того, что никто не думал называть своих сыновей Иосифами. На похороны ни я, ни мои родители не ходили, но разговоры о жертвах, раздавленных и пропавших, велись во дворе целую неделю. Обычная начальственная российская бестолочь. Ходынка ничему не научила. В то же время оказалось, люди не пассивны.

В нашей семье вообще мало упоминали Сталина. Поскольку два брата папы и сестра Нюра жили в Москве, все встречались довольно часто, отмечая дни рождения и обычные тогда праздники 1 Мая, 7 ноября и наиболее любимый из всех и самый несоветский – Новый Год. Кстати после революции лет двадцать буржуазных елок не было. По торжественным дням за праздничным столом, дядя Аркадий, как фронтовик, обычно предлагал первый тост «за великого Ст-на», а потом уже шли обычные тосты за тетю Нюру, за дядю Карлушу и т.д.

Глава 11. От смерти Сталина до первого самиздата

После смерти Сталина у власти оказалась четверка – Берия, Маленков, Молотов и Хрущев. Как мы знаем теперь, самым прогрессивным и разумным из этой четверки был Берия. Он был готов отдать Западу ГДР, уменьшить число заключенных, прекратить войну в Корее и улучшить положение крестьян. По его инициативе было прекращено дело врачей, оставшиеся в живых отпущены и главное впервые в газетах было напечатано черным по белому, что дело против невинных людей было сфабриковано, что к ним применяли «недопустимые приемы следствия», т.е. попросту пытали. При нем же была и амнистия без политических статей, освобождены около миллиона заключенных, но вышли не только уголовники, а и множество невинных людей сидевших по уголовным делам. Кстати по некоторым данным были освобождены и политические, но такие заслуги нельзя же отдать Берии. Может быть, будучи главой атомного проекта, он лучше других понимал, что Сов. Союз не в состоянии соревноваться со всем остальным миром и знал как велико техническое преимущество Запада. Погубило его то, что у него было слишком много власти и остальная тройка боялась, что командуя МГБ он станет единоличным хозяином, как Сталин. Повторилась история 24 г. после смерти Л-на. Тогда слетел самый влиятельный – Троцкий. Его убрал С с помощью Бухарина, Каменева и Зиновьева. Теперь переворот организовал Хрущев, уговорил остальных, привлек военных и Берию убрали и фактически без суда расстреляли. В газетах появились фантастические обвинения, по традиции начиная с того что он был английским шпиона времен Гражданской войны, и кончая многочисленными изнасилованными. Но в эпоху перестройки никто из этих жертв почему то не объявился, кроме одной, с которой Берия фактически просто завел вторую семью. Берию арестовали 26 июня. Я уже читаю газеты. В Правде громадная статья с обвинениями, дашнаки, меньшевики, связь с Тито и даже английский шпион в 1919 г. Даже 11-летнему мальчику весь набор казался очень странным. Появилось выражение «культ личности», без упоминания самой личности. Начались волнения в ГДР и Польше. Мы плохо знаем и Маленкова. Все помнят его как критика Ахматовой и Зощенко в 46 г., но ведь это он после смерти

Сталина 5 марта стал председателем Совета Министров, и уже в марте 1953 года на первом же закрытом заседании Президиума ЦК заявил о необходимости «прекратить политику культа личности и перейти к коллективному руководству страной» и даже назначил Хрущева «ответственным по борьбе с культом личности». В августе на сессии Верховного Совета Маленков выступил с предложением в два раза снизить сельхозналог, списать недоимки прошлых лет, а также изменить принцип налогообложения жителей села. Маленков первым выдвинул тезис мирного сосуществования двух систем, выступал за развитие легкой и пищевой промышленности. Но он допустил одну фатальную ошибку, по его инициативе в мае было принято постановление правительства, вдвое уменьшавшее вознаграждения партийным чиновникам. Это и позволило Хрущу через четыре месяца, сначала с его помощью убрав Берия, скинуть Маленкова, восстановить прежние привилегии партийного руководства, учредить и занять должность первого секретаря ЦК. Интересно что М-в окончил гимназию в юности и, после исключения из партии, кончил жизнь церковным старостой. Вот бы почитать его мемуары, но где они. В 1955 г. подвергнут критике за ревизионизм и смещён с должности председателя Совета Министров. В нашем дворе все эти дела звучали проще. Осенью 53 мы распевали частушку «Берия, Берия, вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков». В этом же августе 1 го числа первое успешное испытание водородной бомбы, а вот руководитель работ, награжденный грамотой Почётного гражданина Советского Союза вместе с Курчатовым за руководство созданием атомной бомбы, Берия уже скорострельно расстрелян.

А в нашей семье происходят гораздо более важные события, 17 июня родилась моя сестра Леночка. Наш садовый домик, состоявший из одной комнаты, терраски и чердака, где я спал, был очень маленьким и хотя и с маленькой печечкой но очень холодным и мы сняли комнату в деревенской избе, в соседней деревне Строгино у «тети Тани» и я провел это лето в тесном общении с мамой, помогая ей ухаживать за Леночкой. Бабушка оставалась в саду, окучивая клубнику, ее ведь в эти годы, когда деревья еще не выросли и участок залит солнцем, было так много, что родственники приезжали ее собирать, увозя громадные корзины. В деревне жили мама, я и Леночка. Папа вскоре после ее рождения уехал в экспедицию на Дальний Восток на 2 или 3 месяца, писал нам письма и прислал два тома «Давида Копперфильда» Диккенса. Вечером я читал этот длинный роман вслух, но великий Диккенс меня не захватил, было очень скучно, герой какой-то непримечательный, да его любовь к Мэри (?) была очень натянутой. Помню только сцену, где неглавный, но симпатичный герой тонет спасая людей с тонущего корабля. Его было жалко, а сам Д К у меня симпатии не вызвал. То ли дело «Квентин Дорвард» Вальтер Скотта. Вот герой который мне нравился, может быть потому что он был ловким и сильным. Будь храбр, будь честен, держи свое слово, любишь, люби, не отступай, бейся до конца. Я хорошо помню этот месяц в Строгино. Мама кормила грудью, часто пеленала Ле-ку. Важной частью распорядка было почти ежедневное купание, ведь было очень жарко (хотя и известный фильм назван «Холодное лето 53 года»). Вначале грели воду – кипятильником или брали у тети Тани, если он топила печь. Потом наливали воду в железную ванну, смешивая с холодной и измеряя термометром. Мама намыливала, потом держала Л-ку на руках, а я поливал тонкой струйкой из кувшина, особенно «важной операцией» было поливание тонкой струйкой лобика, чтобы смыть мыло, но так, что бы оно не попало в глаза. Еще несколько лет мы провели в квартире на Мещанке. Леночка росла довольно спокойным ребенком, я не помню ее плачущей. Но один эпизод я запомнил. У меня была игрушечная двустволка. Играя с Леночкой, я стал направлять ружье на нее, и она заплакала. Мне стало ужасно стыдно, я бросился к ней, стал обнимать и утешать, и мне кажется, что никогда больше не обижал ее.

В том же 1953 после патовой ситуации на фронте наступило перемирие в Корее. Вышли «Римские каникулы» с Одри Хепберн и Г. Пеком, до нас дошли еще лет через 10. Я много думал, читал, рассуждал

да и охотно болтал с самого детства, но самостоятельно мыслящим человеком становишься когда начинаешь много читать. Мир мгновенно расширяется. И появилось что читать. Появились молодые критики Марк Щеглов и Владимир Лакшин. Первый написал всего несколько критических статей, очень честно и свежо и умер очень рано. А Лакшина мы читали и уважали всю жизнь, начиная с его статей в Новом Мире, где он был правой рукой Твардовского и кончая его полным достоинством и правды ответом Солженицину на его унижительные слова о Твардовском и всем Новом Мире в «Теленке, который бодался с дубом». Да бодался, но отнюдь не в одиночку. Декабрь 1953 г. Появилась статья Померанцова «Об искренности в литературе», что в переводе с советского языка означало не надо врать. Но ни критики ни газеты не пишут о восстаниях в лагерях Воркуты и Джезказгана, где даже понадобились танки чтобы их подавить.

Эти статьи я прочитал через много лет, но важно было то что в воздухе страны стали происходить изменения и они касались всех, и меня и маму с папой. У нас на чердаке лежали сотни маленьких книжечек – еженедельные добавления к «Огоньку», которые состояли из рассказов одного автора, большинства советских. Подписка на «Огонек» конечно была ограниченной, к ней шли вдобавок собрания сочинений, но Госплан был фирмой. Летом на даче я обнаружил залежи этих маленьких белых книжечек - и стал читать их подряд. И тут получается как у Крылова, «Навозну кучу разрывая», я обнаружил несколько книжечек, которые сразу приковали мое внимание. Первая – «Записки учительницы» Фриды Вигдоровой. Помню даже ее фотографию на обложке с короткой рабфаковской стрижкой. Рассказывает о школе и ей веришь. Другой необычной книжечкой была «Районные будни» Овечкина. Вроде бы мне и трудно было судить о колхозах и совхозах, но и ребенку было видно что дядя-журналист не врет. Книжечку Дудинцева с рассказами тоже была там и была получше большинства, но до Вигдоровой и Овечкина не дотягивала. Интересно, что это был чисто «внутренний отбор».

В этой серии печатали и иностранцев, из обоймы «прогрессивных» зарубежных авторов, они же «друзья Советского Союза». Такие были в каждой стране, хотя и немного, и кстати в основном люди талантливые и честные. Это ведь про нас был анекдот, который кстати пришел к нам из гитлеровской Германии. Можно быть умным, честным и партийным, но выбирать можно не больше двух качеств. За границей быть коммунистом в общем требовало некоторых убеждений и причиняло немало неприятностей. В Америке нашими друзьями был Говард Фаст, Т. Дрейзер и Поль Робсон. В Австралии Ф. Харди и К. С. Причард, в Англии Д. Олдридж, во Франции Арагон, П. Элюар и немало народу в Германии – Гейм, Брехт и т.д. В период разоблачения культа они почти все перестали быть нашими друзьями, за исключением тех, кто успели умереть гораздо раньше, вроде Ромен Роллана, которые тем самым остались нашими друзьями навсегда. Были временные союзники, вроде Л. Фейхвангера, который понимал что может Сталин и лучше Гитлера, но тоже не сахар, хотя как сравнивать, здесь газовых печей не было, там – раскулачивания.

Я очень любил романы Катарини Сусанны Причард, «Кунард», про любовь белого фермера к аборигенке, «Золотые мили» и другие. Из Кунарду я запомнил слова мудрой матери героя, она видит, что он мучается и говорит ему «Половой голод - это просто голод, его нужно утолить и тогда будешь думать о другом». Через много лет, попав на месяц в Австралию, на первом своем докладе я упомянул про нее и свое первое знакомство с Австралией через ее книги. Но никто из участников семинара ее имени не знал. Впрочем, в главной мельбурнской библиотеке я насчитал больше 50 (!) ее книг. Просто она была довольно левая и популярная в 30 годах, но новые поколения ее уже не читали. А насчет голода который нужно удалить, то ведь у этого, как и у почти всего, есть и обратная сторона. Я был голодным довольно долго, страдал из-за этого, а теперь думаю об этом как о благословении. Ведь

именно поэтому и влюблялся все время, и эти переживания, мысли о тех кто мне нравился, это золотая часть моих воспоминаний о юности и молодости, хотя и не все они кладутся на бумагу.

Был еще один яркий эпизод в четвертом классе, но он полностью описан в моем рассказе «Отличник Ронин», куда я и отсылаю тех кому интересно. Другой эпизод, «печка», еще ждет своей очереди. Наша классная руководительница, Екатерина Тереньтевна Лаврухина, кстати описанная в Отличнике, в конце четвертого класса (1953), когда мы все расставались с ней, сделало каждому подарок, на свои деньги купила каждому какую-нибудь книгу и каждому надписала. Мне, про которого она говорила, «мал золотник да дорог», она подарила «Капитанскую дочку». В этой книге я люблю все, и содержание и язык, но может быть больше всего, что из нее я вынес свой идеал как надо жить, если обещал, то держи слово, если присягнул, то будь верен, если полюбил, то навсегда, будь добрым, будь честным, будь смелым – судьба тебя наградит за все пройденные испытания. Трудно жить по этим заповедям и я наверное не так уж похож на Петрушу Гринева, но по своему я пытаюсь. Сравнивая эту повесть с маленькими белыми книжечками, я понял что писать можно как бы просто и не замысловато, но это только кажущаяся простота. С тех пор для меня это высший эталон прозы. Было много прекрасных детских книжек. Все не перечислить, но конечно Житков, Гайдар, Маршак, «Хоттабыч» Лагина, «Кортик» Рыбакова. Не думал я правда, читая его революционно-пролетарский Кортик, что потом буду читать его «Дети Арбата» и «Тяжелый песок». Чуковский, «Белеет Парус одинокий» Катаева, только много лет спустя, перечтя его воспоминания о детстве, понимаешь что Павлик живой герой, а Гаврик придуманный, «Два Капитана» Каверина, хотя и тогда линия бывшего коммерсанта, погубившего родного брата - географа, чтобы жениться на его вдове, немного резала, слух не слух, но было видно, что это не Капитанская дочка. Прекрасными были рассказы Носова и Пантелеева. Потом на горизонте появились и Дюма и Вальтер Скотт и Жюль Верн и Гюго и Дж Лондон, благо в Сов. Союзе, не связанном буржуазными законами об авторском праве, их издавали миллионными тиражами, родители на многое подписывались, а кое-что папа приносил из библиотеки. Вообще чтение и открытие для себя новых больших писателей – одно из самых больших удовольствий в жизни. Особенно тех, что пишут на русском. Каждый из них как будто открывает для тебя неведомый пласт русского языка, который ты думал что знаешь до дна. Это и Пушкин и Тургенев и Лесков и Бабель и Платонов и Булгаков и Пастернак и Солженицын, и Катаев, а в конце 20 века и Саша Соколов, Пелевин и отчасти Акунин, хотя последний скорее за счет прекрасной фантазии. Жаль только, что многие из никак не могут остановиться и пишут и пишут, не достигая своих ранних высот. Пелевин к тому же испортил «Чапаева и Пустоту», перебивая замечательный, хотя и абсолютно фантастический рассказ о Гражданской войне, кусками из каких то других миров, в основном сумашедшего дома. Что за удовольствие читать рассказ о чем то, если тебе на пятой странице говорят что это просто сон да еще и сумашедшего. Читать Ч и П нужно только страницами о Гр войне.

Вышла «Оттепель» Эренбурга (май 1954) в журнале «Знамя. Тогда я не читал «Оттепели», но уже слышал разговоры взрослых. Повесть довольно серая, но название эпохе она дала. Я помню что о ней говорили на встрече родственников. Но не говорили о стихах Пастернака из «Доктора Живаго» (!), а ведь они появились в том же номере. Из Нового Мира в 1954 г после правдивых публикаций Абрамова, Овечкина и других сняли, и не в последний раз, Твардовского и назначили К. Симонова, не самый худший вариант, хотя и пятикратный лауреат Сталинских премий, чемпион, понимаешь. Вообще Ст. нередко уважал людей сравнительно независимых, таких как Симонов или просто независимых как Пастернак или Платонов, потому что знал, что осталось их мало. В эти же годы Твардовский написал поэму «Теркин на том свете», «Но не ударила царь пушка, не взвыл царь колокол в ночи, как в урочный час та старушка подобрала свои ключи... и по кремлевским корридорам к нему прошла без пропусков.»

Набор рассыпали и напечатали только по личной милости Хрущева почти через 10 лет, как и «Один день И Д». Там же и строчки «Канала только не хватало, чтоб с Марса был бы виден он». Это про Каракумский канал, про который я знал немало, поскольку папа ездил в эти места на пару месяцев с экспедицией от Института Экономики. Карта Средней Азии, на которую я карандашом нанес линию будущего канала, висела у нас на стене. Поскольку я уже проходил в школе, что такое пустыня, то спросил папу, как же вода не уйдет в песок и папа, хотя и провел почти два месяца на трассе будущего канала, толком не мог ответить. Через много лет на мой вопрос ответило исчезновение Аральского моря.

В Оренбургской области в сентябре 1954 проведены войсковые учения всех видов и родов войск — всего до 45 тысяч военных в условиях настоящего ядерного взрыва. Командовал учениями маршал Жуков. Учениям предшествовало специальное постановление Совета министров, начавшее «подготовку страны к действиям в особых условиях». А какие это условия? Никто не знал, но ведь действительно особые условия, еще нигде и никто в мире не догадался сбросить атомную бомбу на свою армию, да и часть мирного населения подвернулась под руку.

В 1954 г. состоялся и 2 съезд сов. писателей. Мама приносит из Госплана машинописную копию эпиграмм появившихся в те дни. Помню весьма короткую на Бубеннова, «Белую березу» которого я уже прочитал и она мне понравилась. Белая береза, белая головка, белая горячка. Бубеннов получил за свою повесть Сталинскую премию какой-то степени, всего степеней было три. Помню бездарную трилогию Олеса Гончара тоже про войну, которая получила первую степень. Впрочем среди награжденных были и хорошие вещи, например «Звезда» Казакевича, небольшая повесть о взводе разведчиков. Это о ней какая-то литературная дама сказала Светлову, что вот Казакевич писал на идише посредственные еврейские стихи, а перешел на русскую прозу и написал прекрасную повесть. На что Светлов посоветовал даме немедленно перейти на еврейские стихи. А вот на «Кавалера Золотой Звезды» Бабаевского эпиграмма была позлее. «Не всякий алмаз самой чистой воды, не всякое золото... и звонко и твой Кавалер золотой звезды не стоит хвоста Золотого теленка». Я спросил у родителей про Золотого теленка и мне объяснили, что это очень хорошая и смешная книга, но почему то ее больше не издают. В сущности машинописные листки, которые мама принесла, были первым самиздатом, который я прочитал и который потом так распространился и можно сказать морально подорвал советскую власть, хотя по настоящему ее доконала, как и любую империю, война, в данном случае афганская. Само слово самиздат тогда еще не существовало. Его довольно скоро ввел в обиход поэт Николай Глазков, которого упорно не печатали и он стал дарить своим друзьям свои самодельные сборники, с таким подназванием.

Конечно только слово «самиздат» появилось, а произведения «ходили в списках» со времен Баркова, о Луке Мудищеве которого мы тогда только слышали, а не читали, Грибоедова да и самого Пушкина, чья Гаврилада конечно переписывалась только от руки, но которую в советское антирелигиозное время я уже читал в его собрании сочинений. Баркова я прочитал уже в 90 гг. и сразу стало понятно, почему его так ценил Пушкин. «Природа женщин сотворила, в награду ...им дала, меж ног отверстие прорубила...» Это же прямая предтеча «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...». Тот же прямой раскованный слог, да и размер тот же, хотя конечно не онегинская строфа. С Глазковым кстати мне даже довелось однажды сидеть за одним столом, хотя стихов он тогда не читал. Это было на дне рождения у Ильи Сонины – геолога (в отличие от И Сонины - адвоката). Это тот самый Глазков, что написал среди многих других прекрасных строк и такие «Я взираю на эпоху из под столика. Век 20ый - это век необычайный. Чем эпоха интересней для историков, тем она для современников печальней». Об Илье-геологе, как о не совсем типичном Сонине, здесь я упомяну только одну деталь. Он с детства мечтал быть геологом, но в разгар борьбы с космополитами его в университет

не взяли, хотя он сдал математику например так хорошо, что суровая дама с мехмата, доцент Кишкина, посоветовала ему пойти на мех-мат. Но Илья был человек решительный – он «потерял паспорт» и за взятку в милиции восстановил его уже с графой русский. На другой год уже без труда поступил на геофак, успешно кончил, каждое лето уходил на полгода начальником экспедиции, в конце жизни бегал не просто марафоны, а «ледяные марафоны» вокруг Чудского озера, одетый только в плавки (шерстяные), вязаную шапку и перчатки, и это все. Как он говорил со смехом, его полюбил начальник отдела кадров и часто советовался с ним по поводу чистоты анкетных данных поступающих к ним на работу. Может быть Илья перебрал с марафонами, а может быть его экспедиции открыли слишком много урановых месторождений, но умер он очень рано, слегка за пятьдесят, от быстротекущей саркомы кости, причем в госпиталь его привезли на вертолете прямо из очередной экспедиции.

Другим самиздатом, который тоже принесла мама, был, как ни странно, рассказ графини Волконской о правилах хорошего тона для студентов МИМО. Тут крамольного совсем ничего не было, кроме самого факта, что простой публике, что не ездила за границу, этих правил знать было совсем ни к чему, и поэтому все-таки в их перепечатке и распространении, ведь мама же принесла не первый экземпляр, а машинописную копию на папиросной бумаге, было все-таки что-то крамольное. Кроме того, этот рассказ имел удивительно вольную форму для советского печатного текста - студенты задавали вопросы, а графиня очень спокойно, без всякой пропаганды, на них отвечала, куда класть вилку, как высморкаться в культурном обществе и т.д. Вообще я читал много и безсистемно, если не считать того, что все таки в основном я читал книги из родительской библиотеки, да и папа и мама приносили домой книги из их библиотек на работе. Книги говорили о множестве интересных людей, вещей, приключениях, но пока я только читал о них, и мечтал, что и я когда нибудь попаду в этот чудесный мир, а то что происходило со мной, вовсе не казалось уж чем то замечательным и необыкновенным. Как бы объяснить новым поколениям, что то, что происходит с ними в детстве, не менее интересно чем все те приключения, о которых можно прочитать в книгах. Нужно только шире открывать глаза.